

ИММИГРАНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РОМАН КРУТ

18+

Роман Крут Иммигрант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67808778

SelfPub; 2023

Аннотация

Эта повесть о реальной жизни молодого человека конца 90-х из провинциального города, который принимает радикальное решение иммигрировать в Европу, где, с одной стороны, он окажется в самом центре цивилизации, а с другой – в лагере для беженцев, проживая бок о бок с людьми из самых отсталых и отдаленных уголков мира, где сплетаются жизни и решаются судьбы таких разных людей, живущих так близко, но таких далеких и чужих друг другу, место, где каждый предоставлен сам себе, и каждый сам за себя. С главным героем Вы окунетесь в атмосферу и быт эмигрантской жизни, ощутите разницу менталитетов, обычаев и нравов множества национальностей, станете свидетелями невероятных жизненных приключений и судьбоносных событий, пройдете нелегкий путь эмиграции от самого начала и до задуманного конца, пересекая границы и меняя страны, не имея денег, опыта, связей и документов, идя на риск и делая невозможное на пути к своей мечте. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Юность	4
Глава 2. Долгожданная встреча	14
Глава 3. Голландия	25
Глава 4. Утро в Брюсселе	46
Глава 5. Le Petit-Château	55
Глава 6. Новые знакомства	63
Глава 7. Жизнь в лагере	111
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Роман Крут Иммигрант

Глава 1. Юность

Можно сказать, что история моего путешествия длиною в жизнь начинается с тёплого летнего июньского утра, когда я, будучи ещё десятилетним мальчишкой, отправился в ближайший киоск за мороженым и встретил там своего школьного друга. Он стоял с мамой и кушал пломбир. Я купил себе любимое кофейное мороженое и подошел к ним. Обменявшись приветствиями и несколькими дружественными фразами, мама моего друга неожиданно для меня поинтересовалась: – Роберт, а у тебя уже есть планы на будущее?

Такие вопросы, как и ещё один: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?», задаваемые ребёнку, всегда казались мне странными. Откуда я, ребёнок, могу знать о своих планах на будущее, а тем более, кем я хотел бы стать? Но почему-то их спрашивали все и всегда, в надежде услышать одни и те же заезженные ответы: Да! Планы есть... и в будущем я хочу быть: учителем, врачом, милиционером, пилотом, капитаном, музыкантом и всё в этом роде...

– Нет, – ответил я.

– А у нас с Вовой уже есть! – резко выкрикнула она с очень

гордым видом.

Вова стоял и с наслаждением кушал свой пломбир. А я, смотря в Вовино лицо, думал: «Ну какие у него могут быть планы на будущее?..» Все родители всегда планировали всё за своих детей, пытаясь навязать им свои побуждения, не интересуясь, хочет ли этого сам ребёнок или нет. Наверное, в каких-то случаях эти навязанные родительские побуждения просто идеально подходили для совершенно безынициативных детей, но только не в моём случае. Я же был очень признателен своим родителям за то, что они всегда считались со мной (даже в таком раннем возрасте) и всегда интересовались, хотел бы я заниматься тем или иным занятием или нет.

– В будущем мы планируем уехать и жить за границей! – сказала она и засияла от счастья, – Вова будет там учиться и работать, а потом мы найдем ему невесту. Правда, Володя? – спросила его мама и наклонилась, чтобы заглянуть ему прямо в глаза.

Вова, не вынимая мороженого изо рта, кивнул головой. Мне кажется, что мама моего школьного друга просто-напросто хотела поделиться своими планами на будущее со всем миром. Из всей этой мизансцены, которую она устроила, одно только слово «Заграница» прозвучало для меня, как раскат грома, и оно надолго осталось в подсознании. Во времена моего детства, середины восьмидесятых, слово «Заграница» звучало, как нечто загадочное, как взгляд в почти недостижимое светлое будущее. При одном этом слове у лю-

дей появлялась умиленная улыбка на лице, а в глазах вспыхивал огонёк восторга.

* * *

Шёл 1988 год. В то беззаботное время, как и принято его воспринимать всей детворе, я активно занимался разными видами спорта, пробуя все возможные, которые только были в нашем городе на то время, в основном долго нигде не задерживаясь. Но всё же один спорт оставался для меня неизменным. Баскетбол или баскет, как мы его называли между собой, был моим любимым спортом, им я начал заниматься с первого класса (с семи лет) и занимался на протяжении четырёх лет, до того момента, пока наш тренер неожиданно не пропал...

Тренер наш был весьма своеобразен, его, как и принято, кто-то любил, а кто-то – не очень. Для меня же он был всегда очень добрым и весёлым, а самое главное, знающим своё дело человеком. По крайней мере, так я его воспринимал. Нам очень нравилось, когда он общался с нами (с его группой), как со взрослыми. Также он достаточно часто шутил, что вызывало у нас всплеск позитивных эмоций. Тренер был человеком выше среднего роста, крупного, я бы даже сказал массивного телосложения, которое ему никак не мешало двигаться с лёгкостью; надолго его, конечно же, не хватало, но иногда, играя с нами в баскетбол, он очень быстро

и виртуозно обращался с мячом, и каждый раз после забитых им трёх очков, самодовольно улыбаясь, он долго крутил мяч на указательном пальце. Время от времени тренер носил пышные усы, которые были модными в то время, они делали его менее серьёзным и более чудаковатым, при одном только взгляде на него мы по-детски с усмешкой улыбались, особенно в те моменты, когда тренер злился и кричал на нас, если мы что-то делали не так.

Вообще, наша группа, в которой было большинство ребят из моего школьного класса, воспринимала тренера как дополнительного учителя по физкультуре. Получалось так, что физкультура у нас часто была последним уроком, а после неё в этом же зале сразу начиналась тренировка.

Полноценный баскетбольный зал вместе с гимнастическим находились в пристройке, которая примыкала к нашей школе. Как и подобает любому тренеру, на нём всегда был надет новый спортивный костюм фирмы «Adidas» и кроссовки той же фирмы, на груди висел большой хромированный свисток, который порой использовался не по назначению, а если точнее, то в воспитательных целях. Тренер снимал с шеи длинный шнурок со свистком и, закусив нижнюю губу, шлепал им по заднице самому непослушному ученику, приговаривая при этом:

– Я же просил не отвлекаться от тренировки.

И так, занимаясь четыре раза в неделю, под чутким руководством тренера наша группа просуществовала четыре

года, которые пролетели как четыре дня. Последнее время тренер приходил на тренировки очень редко и нам приходилось заниматься без него, ведь всю программу разминки мы уже знали наизусть. Целый спортзал был наш на час, поэтому полчаса мы делали разминку, а остальные полчаса делились на две команды, в одной из которых я был капитаном, и играли в баскетбол.

Последние несколько недель нашу группу тренировал другой тренер, которого мы все немного недолюбливали: из-за его агрессивного подхода и отрешённого отношения к нашей группе, что определённо нам не нравилось.

Однажды, когда мы пришли на тренировку, в раздевалке нас встретила уборщица и сказала, что у нашей группы тренировок больше не будет и попросила всех разойтись по домам. На наши вопросы «почему?» и «что произошло?» она не отвечала.

Мы решили на прощанье зайти в пустой зал, зайдя, мы простояли там несколько минут, пока кто-то не обратил внимание, что дверь в тренерскую комнату, которая находилась в углу зала, была приоткрыта и оттуда, как обычно, выходил сигаретный дым. Мы переглянулись и направились туда.

Там, весь в сигаретном дыму, сидел нелюбимый нами тренер и читал какой-то журнал. Мы стали его расспрашивать, что, собственно, произошло, где наш тренер? На что он пренебрежительно ответил, что наш тренер эмигрировал в Голландию.

В то время это была шокирующая новость, в частности слово «эмигрировал». Оно произносилось многими людьми и звучало так, словно тот, кто уехал в поисках лучшей жизни, не смелый и решительный человек, а беглец и предатель родины. И, конечно же, те люди, которые пренебрежительно произносили это слово, делали это только из зависти и трусости.

Для нас же, его учеников, это была приятная новость. И приятной она была не из-за того, что тренировок больше не будет, нет. А из-за того, что тренер уехал в другую страну – в поисках лучшей жизни!

Возвращаясь домой в хмуром настроении, у меня в памяти пробежала та самая мысль о загранице, которая продолжала жить во мне, и я как бы сознательно привязал её к отъезду тренера, улыбнувшись про себя и подумав, что именно он, возможно, станет моим проводником в тот дальний, неизвестный, но такой манящий заграничный мир... Процесс был запущен – медленный, но уверенный.

* * *

Время шло... закончилась школа и пришло время взрослой жизни – так нам говорили тогда преподаватели при поступлении в техникум. Это и в самом деле были золотые, долгожданные слова, так как со школой, а точнее с преподавательским составом мне не повезло; учителя ориентирова-

лись только на нескольких отличников, а остальные же двадцать человек терпели постоянное унижение и оскорбление. Поэтому с первых же дней учёбы в техникуме я впервые за три последних года, проведённых в школе, вздохнул полной грудью, с лёгкостью и облегчением. Только из-за того, что с нами обращались не унижая и оскорбляя, а по-человечески. Как ни странно, от такого человеческого подхода даже возникало желание и стремление учиться.

Начало девяностых – это было время больших перемен, а также и новых возможностей... Не всё было гладко, да и многие перемены так и не прижились, но пытаться уйти от них, а ещё хуже бороться с ними, было абсолютно неверным решением, как мне тогда казалось. Такие ситуации нужно просто принимать и приспосабливаться. Но тем не менее каждый воспринимал это время по-своему... Я не хотел бы сейчас углубляться в этот период и рассказывать о победах и поражениях того своеобразного времени, хотя по мере своего рассказа я всё равно буду периодически вспоминать лихие девяностые.

Учился я на курсе Механики и ремонта заводского оборудования, и всё, как казалось, шло своим чередом... В те непредсказуемые времена учёба во всех средне-технических и высших учебных заведениях кардинально изменилась. Всё, естественно, было связано с экономической нестабильностью в стране. Так как зарплаты преподавателям стали выплачивать с большими задержками и в неполном объеме,

следовательно, это и послужило причиной больших перемен в отношениях между студентами и преподавателями. Другими словами, даже те, кто учился очень хорошо, были вынуждены произвести обряд подношения, который в разных учебных заведениях, безусловно, исчислялся по-разному. В нашем же техникуме можно было получить хороший учебный балл, преподнеся банку краски, канистру бензина, бутылку водки, коньяка или шампанского, в общем, что все любили и в чем нуждались, но денег сполна на всё желаемое не хватало... Ценился и физический труд, за который преподавателям пришлось бы платить наёмным работникам, но зачем? Ведь есть молодые, полные сил студенты, мечтающие получить хороший балл и при этом не учиться, чем, конечно же, преподаватели и пользовались. Тех самых не желающих учиться брали на посадку и сбор картошки на дачах, на погрузку и разгрузку мебели, на копания ям под колодцы, и даже один раз нам пришлось рыть яму для усопшего преподавателя на кладбище.

Мне такое положение дел, по правде говоря, было только на руку. Так как любовь к учёбе, как я уже успел упомянуть, мне отбили ещё со школы, поэтому я особо и не стремился к знаниям. Да и времени учиться на последних двух курсах особо и не было. Я был занят своими делами: утро начиналось на большой рыночной площади, где я с небольшой суммой наличных покупал и продавал валюту, вечером спешил на тренировку в тренажерный зал, а ближе к ночи шёл рабо-

тать в ночной клуб охранником. Поэтому часть моих учебных баллов, соответственно, была приобретена с помощью подношений.

После четырёх лет «успешной», в моём понимании, учёбы я получил диплом об окончании техникума, но работать в этой сфере не собирался. Так как на любую работу, связанную с заводским оборудованием, у меня непроизвольно опускались руки и пропадало настроение.

Однажды в один из жарких летних дней, когда я стоял на рыночной площади среди толпы людей, хаотично движущихся в неопределённом направлении, и выкрикивал привычную уже мне фразу: «Меняем рубли! Доллары!» Ко мне подошёл мой друг и сказал:

– Ты знаешь, что тренер приехал из Голландии? Я его видел утром.

– Нет, – сказал я с трепетом в голосе и, как бы затаив дыхание, спросил: – Надолго?

– Точно не знаю, на сколько. Знаю, что он сейчас находится в магазине аудиотехники «Юпитер» у своих друзей, – сказал мой товарищ и, быстро извинившись, отошёл в сторону, увидев там своего знакомого.

Это было как-то неожиданно, но новость была настолько приятной, что я непроизвольно присел на чей то стоящий рядом старый, затёртый табурет. Мы не виделись десять лет. Ведь мне было лет одиннадцать, когда я видел тренера последний раз перед его внезапным исчезновением. Тогда я

был еще мальчишкой... «А сейчас мне уже двадцать один год, может и не узнать», – подумал я. Тем не менее раздумывать долго не стал. В этом необременённом возрасте принимать какие-либо решения было очень просто. Для меня по крайней мере.

Я решил поспешить туда незамедлительно, так как знал, что в этом магазине работал его старый знакомый, и, наверное, тренер там задержится на некоторое время. Пока я шёл, только одна мысль крутилась у меня в голове – узнает ли? Я быстро и уверенно передвигался по нашему небольшому и уютному городу, в котором родился и вырос. Городок был довольно чистым и достаточно зелёным. Поэтому прогуливаться по нему в жаркую летнюю пору было очень комфортно, так как практически всегда можно было оставаться в тени, которую создавали широкие листья каштанов и других цветущих в это время года деревьев.

Глава 2. Долгожданная встреча

Я подошёл к магазину и, недолго думая, зашёл внутрь. Тренер сидел в кресле, рядом с ним было еще несколько человек. Кое-кого я знал, так как город наш, как я уже успел сказать, был маленький и многие знали друг друга, если не лично, то хотя бы в лицо. Я подошёл и со всеми поздоровался. Тренер при виде меня привстал с кресла и, округлив глаза, воскликнул:

– Роберт?! Ну орёл! Вырос, возмужал!

На лице у него была радушная улыбка.

– Здравствуйте! – сказал я, пожимая большую ладонь тренера.

– Привет-привет, – радостно ответил он, – какими судьбами?

– Хотел узнать кое-что... Мы могли бы поговорить с глазу на глаз?

– Конечно! – согласился он и, обняв меня за плечо, вывел на улицу.

Возле магазина стояла удобная скамейка, на которую падала тень от большой ели, возвышающейся прямо перед магазином, мы присели на неё. Как ни странно, но лицо у тренера поменялось, а точнее черты лица. Нет, не в худшую сторону, скорее, наоборот. Ведь каждая страна со своим менталитетом, по-видимому, очень влияет на человека, как внеш-

не, так и внутренне.

— Тренер, — сказал я, улыбаясь, так как он до сих пор сидел с улыбкой и без какой-либо серьёзности на лице смотрел мне в глаза, — у меня уже давно есть непреодолимое желание уехать за границу... — и на этом я сделал паузу, наблюдая за его реакцией.

Причин в то интересное время и в самом деле было множество... Но если в двух словах, то это массовая безработица и экономический коллапс. Меня очень угнетал тот факт, что простой, средний класс больше не являлся таковым, а находился на грани нищеты. А мне бы очень хотелось жить в стране, где этот же средний класс пребывает в комфорте и достатке. Напрягало также и общее положение, складывалось ощущение, что государство преднамеренно било абсолютно по всем фронтам: образованию, медицине, культуре, науке, искусству и, конечно же, экономике. Страна тогда находилась на самом дне, дальше падать уже было просто некуда. В атмосфере царил хаос и беспорядок. Так получалось, что наблюдая и осознавая весь этот угнетающий круговорот событий и перемен, последние годы меня просто одолевало желание вырваться отсюда. Про жизнь за границей я ничего не знал, никаких подробностей и тонкостей. Слышал от людей только то, что там лучше, чем здесь, и этого для меня было предостаточно, чтобы принять твёрдое решение. Давить на жалость или умолять я не хотел, это был не мой конёк, хотя знаю, что многим это помогало. Я же всегда чувство-

вал себя довольно уверенно, поэтому говорил прямо, без каких-либо намёков и умалений. Я продолжил:

– Могли бы вы чем-нибудь помочь в моём желании?

Это в принципе и был мой единственный, но самый важный вопрос. Ему тоже, по-видимому, понравилась такая конкретика:

– У тебя есть какие-либо определённые цели?

– Нет, – сказал я, – хочу просто уехать, пожить... посмотреть...

– Думаю, что смогу! – ответил тренер.

Он говорил спокойно и уверенно. Его, по-моему мнению, всегда можно было назвать человеком слова. Хотя и было в нём какое-то легкомыслие, но оно точно не шло в разрез с его ответственностью и надёжностью.

– Смотри, Роберт, – продолжал он, – ты можешь приехать. Я тебя могу встретить, поживёшь у меня какое-то время, а по ходу событий я покажу и расскажу тебе, что и как... И всё остальное... ты уже сам!

– Мне подходит! Большого я и не ожидал, – обрадовался я.

Он посмотрел на меня с улыбкой. Да, тренер довольно часто улыбался при встрече и при разговоре. Вероятно, ему показалось, что я не допонимаю всего масштаба эмиграции, всех нюансов и тонкостей, но они мне были ни к чему. Он стал рассказывать разные способы эмиграции: как люди всеми возможными и невозможными путями и уловками пытаются там легализоваться... Однако мне это было неинтерес-

но. Я слышал то, что хотел услышать, а всё остальное меня интересовало постольку поскольку... В голове крутилось лишь одно, что если люди едут и остаются, и у них всё получается, то почему я не могу?! Я сидел и внимательно слушал все детали эмиграции, не перебивая. В конце, когда тренер уже, видимо, и сам устал от своего рассказа, он глубоко вздохнул и сказал:

– Ну... в крайнем случае ты ничего не теряешь! Если что-то пойдёт не так, государство купит тебе билет на самолёт и отправит обратно домой. Главное помни одну простую вещь – ты свободный человек! Ты сам вправе принимать решение! И никто... Запомни, Роберт, никто не может диктовать тебе что и как делать! Для свободного человека не существует ни преград, ни границ! Твоя свобода всегда в тебе!

Эту фразу я прочувствовал как никогда в этот момент, она осталась жить во мне и по сей день.

– И когда ты планируешь приехать? – спросил тренер.

– Как только получу визу. Не знаю, сколько это займёт времени, но я буду держать вас в курсе.

Мы обменялись номерами телефонов и попрощались. О нашем с ним разговоре я решил не распространяться среди друзей и знакомых, сказав об этом только родителям, но и они не восприняли это всерьёз. Только лишь потом, когда я зачастил по экскурсионным бюро, пытая счастья в получении визы, они поняли, что я настроен серьёзно и решительно.

Как оказалось, в то непростое время получить визу молодому человеку было совсем нелегко. Все прекрасно понимали цель моей поездки за границу. Это был конец девяностых и люди уезжали массово. Даже выезжая с группой за границу на экскурсию, экскурсовод всегда забирал паспорта, но и это не останавливало решившихся на эмиграцию людей. Но тем не менее существовало несколько способов, по которым можно было оформить визу молодому человеку, и одним из таких являлась покупка автомобиля за границей. На что я и рассчитывал. На поиски турагентства я отправился в соседний большой город, где мне пришлось обить пороги не менее десяти разных турфирм. Заходя в большинство из них, уже с порога мне говорили, что визы молодым и не семейным они не делают. И уже по пути домой, в какой-то мере успев разочароваться в своих поисках, я обратил внимание на старую всю выцветшую на солнце вывеску, на которой была надпись «ТурФирма». Это было старое, полуразрушенное трёхэтажное здание из красного кирпича, первый этаж которого был абсолютно не пригоден для жилья, а двери и окна были заколочены досками. Я обошёл его со стороны и увидел железную, местами проржавевшую лестницу, по которой было даже не безопасно подниматься, но тем не менее я поднялся и, открыв дверь, очутился в ничем не примечательном маленьком офисе, где за столом сидела милая, улыбчивая молодая девушка. Улыбка не сходила с её лица, а в глазах горела искринка хитрости и знания своего дела.

– Могу я вам чем-то помочь? – спросила она, улыбаясь во весь рот.

– Мне нужна виза в Голландию, – не церемонясь, отчеканил я.

– Конечно, без проблем! Мы всё устроим... – сказала она уверенно и нежно.

– У вас есть все необходимые документы?

– Например? – буркнул я.

– Справка с работы, банковские выписки, документы на владение частной собственностью?

– Нет, ничего из перечисленного у меня нет, – сказал я, успев уже немного расстроиться.

– Не переживайте, как я уже сказала, мы всё устроим, – сказала она таким же спокойным и приятным голосом, полным уверенности.

Договорившись о цене и сроках ожидания, я, окрылённый мечтой, поспешил домой. Через неделю мне позвонили и попросили внести всю сумму, сказав при этом, что виза ещё не готова, но деньги нужно заплатить сейчас. Я поспешил к ним в офис. Сумма оказалась уже выше, чем мы обговаривали изначально. На вопрос «почему» услышал ответ: «Технические неурядицы... Надо покрывать расходы». Ничего не поделаешь... раз надо – так надо. Зная, как всё здесь работает, я прихватил с собой сотню баксов – и это оказалась точь-в-точь ожидаемая ими сумма. Через неделю раздался ещё звонок и мне сообщили, что виза уже готова, но попросили при-

ехать в офис, чтобы внести дополнительную сумму за билет на самолёт. На очередной мой вопрос: «Почему, ведь за билет я уже заплатил?» мне вежливо ответили, что билет подорожал и нужно доплатить ещё сто долларов. Выбора уже не оставалось, нужно было ехать забирать паспорт с визой и, соответственно, доплатить деньги за билет на самолёт.

Билеты я забрал ещё через неделю, но в этот раз, к моему удивлению, уже ничего доплачивать не пришлось. И так, вдохновленный мечтой, я постепенно шёл к завершению начальной её фазы. С хорошими новостями направился в переговорный пункт, чтобы позвонить тренеру (звонить за границу оттуда было гораздо дешевле, чем из дома). Зайдя в кабинку, мне объявили, что вызов пошёл и я могу снять трубку и ждать соединения. Через пару секунд послышался голос тренера. В ходе нашей беседы я понял, что тренер вообще не ожидал такого быстрого и решительного поступка с моей стороны, он был приятно удивлен, когда я ему позвонил буквально через месяц. Я сообщил, что через неделю уже прилечу в Амстердам. Реагировал он на всё позитивно и одобрительно. Что, конечно же, было очень важно для меня. Так как я никогда не хотел навязываться и быть обузой кому-либо, а также вторгаться в личное пространство человека, если он сам этого не хотел. Во время нашего с ним телефонного разговора мне даже казалось, что я вижу, как он, говоря со мной, улыбается.

Сборы не заняли много времени. Неделя пролетела неза-

метно. Всё это время я занимался изучением языка. В нашем маленьком городке экспертов по языкам надо было поискать. Звонить и беспокоить тренера по этому поводу я не хотел, поэтому решил обратиться напрямую к человеку, который время от времени посещал Голландию, тем более что он был моим постоянным клиентом. Мы встретились на рыночной площади, он, как обычно, подошёл ко мне поинтересоваться курсом валют. Звали его Коля, он всегда менял у меня валюту, но не большие суммы, а так, по мелочи, боясь засветиться с крупной суммой денег в нашем маленьком городишке. Основные же валютные операции Коля осуществлял в соседнем большом городе, пытаясь это скрыть, но об этом всё равно знал весь наш маленький город, который всегда полнился слухами. Стоило всего лишь выйти на улицу и с кем-то заговорить, как через некоторое время об этом будет знать уже весь город.

– Коля, – начал я разговор, – ты ведь ездишь по заграницам и должен знать, какой язык в Голландии?

– Ааа... в Голландии, конечно знаю – немецкий! Какой же ещё?! Это сто процентов! Даже не сомневайся, – сказал он с уверенностью.

Вот так и получилось, что всю неделю я выписывал и заучивал самые ходовые немецкие слова и фразы. По приезду это меня, конечно же, сконфузило, но не особо. Как оказалось, немецкий не был основным языком, большинство местных жителей прекрасно владели тремя языками – фла-

мандским, немецким и английским.

Перелёт был с пересадкой. Самолёт, на котором я летел, делал посадку ещё в одной постсоветской стране; не хотелось бы тыкать пальцем... хотя, по большому счету, они все друг друга стоят... В этой «замечательной» стране меня встречали «доброжелательные» таможенники с «приятными» лицами. Пересадка была скорой, поэтому прогуливаться времени не было. Тем более что «милые» таможенники подхватили меня под руки прямо посреди аэропорта и понесли (при моём росте в 1 м 88 см и весе 94 кг) в свой офис, который находился в шагах двадцати от того места, где меня оторвали от пола. Это говорило о том, что сотрудники там работали «отборные». Из багажа у меня была с собой только спортивная небольшая сумка.

– Что происходит? – спросил я, после того как мы зашли в офис и они поставили меня на пол.

Не говоря ни слова они сняли сумку с моего плеча и вывернули всё, что было в ней, на пол.

Таможенников было двое. «Приятная встреча или проводы...» – подумал я.

– Так, вы можете объяснить, что происходит? У меня самолёт сейчас вылетает, – добавил я, ожидая хоть каких-либо объяснений.

– Ничего не происходит, – ответил один из них, неприятно ухмыляясь.

– Если успеешь собрать вещи, то и на самолёт успеешь, –

добавил он, при этом пнув ногой пенку для бритья в угол комнаты.

Я посмотрел на этих «прекрасных» людей недобрым взглядом. Если бы мы встретились за пределами аэропорта, мы бы, конечно же, по-другому поговорили... Но у меня и в самом деле были считанные минуты. Быстро всё собрав, я поспешил в самолёт и забежал последним.

Хотелось бы отметить, что злости на таможенников у меня не было, скорее, жалость. Жалость о том, что они остаются в этой помойке, ущербные и неотёсанные. Остаются такими, какими хочет их видеть их же пресловутое «государство», ведь это же «государство» порождает своих сыновей и дочерей, навязывая им свою повестку дня, а с ней и свои взгляды, которые не могут отличаться от гос. Мнения. В противном случае, если же ты мыслишь иначе, индивидуально, ты или предатель, или инакомыслящий, что в принципе одно и то же, который должен быть подавлен, либо унижен, либо наказан, а ещё лучше – изгнан. Это же государство при помощи манипуляций наставляет и направляет на поступки, которые ему же и выгодны... Примерно, как кукловод управляет своими куклами. И только те немногие, которые находят в себе силы и обретают своё внутреннее «Я», способны выйти из этого порочного водоворота маразма, лишь они могут осознанно увидеть и оценить всю глубину этого идиотизма, с каким правительство любой страны пытается манипулировать народом. Это происходит не только в постсо-

ветских странах, такое явление присуще абсолютно каждой стране, каждому государству, каждому народу. Всё, что государство делает, те методы, которые оно применяет, всё это сказывается на его народе. В цивилизованных странах они более гуманные, бесспорно. Но в наших же постсоветских странах слово «гуманизм» было, как ругательство, и всегда вызывало если не смех, то саркастическую улыбку. Мне как ребёнку нового поколения совершенно не хотелось жить в странах, где бюрократия и коррупция – мать порядка, где жадность и алчность были на первом плане, где хамство и агрессия стали нормой, где разговор о человеческих правах вызывал идиотский смех. Это были страны третьего мира. Мне стало легче на душе, я вздохнул глубоко и с облегчением, от того, что улетаю и меня больше здесь ничего не держит.

Глава 3. Голландия

Самолёт успешно приземлился в Амстердаме. При выходе из него я последовал за всеми, так как это был мой первый в жизни перелёт, и куда идти, я не имел ни малейшего представления. Толпа людей подошла к паспортному контролю. Стоя в очереди, я познакомился с одной русской девушкой, которая жила в Голландии. Мы о чём-то говорили какое-то время, пока я не оказался перед кабиной с таможенником.

– Ваш паспорт, – сказал он.

Это было понятно, ведь какой-никакой, но базовый школьный английский у меня всё же был. Я протянул ему паспорт. Таможенник открыл его и проверил визу.

– Ок, – продолжил он, – Ваш обратный билет?

– У меня его нет, – сказал я и обернулся к девушке с просьбой, чтобы она перевела ему, что назад я поеду на машине, которую, соответственно, собираюсь приобрести в Голландии. Она ему всё перевела. После чего офицер попросил меня отойти в сторонку и подождать. Там стояло еще несколько человек. Я подошёл и встал рядом с двумя парнями. Невооружённым взглядом было видно, что эти два молодых человека были хорошими друзьями, а по стилю одежды, которая была приобретена на базарной площади, можно было сразу определить откуда они. Выглядели эти ребята достаточно нервно, как мне показалось, стоя на месте и пе-

реминаясь с ноги на ногу, они судорожно смотрели по сторонам; со стороны казалось, что они вот-вот куда-то побегут... Таможенник, у которого остались наши паспорта, вышел из своей кабины, расположенной у стены справа, и пошел в офис, находившийся прямо за этой стеной, на внешней стороне которой висело большое зеркало-шпион. Я сразу обратил на него внимание. Получалось, что за этим зеркалом был офис, откуда прекрасно просматривался весь зал. А так как в кабинке на данный момент никого не было, можно было рискнуть и легко проскочить мимо незамеченным, понадеясь на то, что именно в этот момент никто не будет смотреть в одностороннее зеркало. Что и сделало двое нервных молодых парней, стоящих рядом. Не дожидаясь своих паспортов, они скользнули между пустой кабиной и скрылись в толпе, направляясь к выходу. «Попробую, наверное, и я», – промелькнуло у меня в голове, паспортом по большому счёту я не дорожил, так как в то смутное время он не представлял большой ценности. Только сделав шаг и направившись следом за своими соотечественниками, из двери офиса вышел офицер и позвал меня, махнув рукой. Я зашёл внутрь. Там сидело несколько человек. Лица у них были спокойные и интеллигентные, не сравнить с нашими «ротвейлерами», из-за этого у меня не возникало ни капли беспокойства и волнения.

– Сколько у тебя с собой денег? – спросил один из них.
Говорили они на английском.

– Пятьсот долларов, – ответил я.

Они рассмеялись.

– Этого недостаточно для покупки машины. Мы тебя отправим следующим самолётом обратно, – сказал один из офицеров.

Такой поворот событий меня не устраивал и я как мог, используя весь свой запас английских слов, стал объяснять, что здесь в Голландии живёт мой тренер по баскетболу, который сейчас ожидает меня в аэропорту, а он уже поможет с покупкой машины. Отчасти это было правдой, так как основной сферой деятельности тренера были подержанные, а порой и новые автомобили. Офицер слушал очень внимательно. Когда я закончил, он спросил у меня имя и фамилию тренера и вышел. Минут через пятнадцать он вошел в дверь, за ним зашёл и тренер. Мы поздоровались, тренер, как всегда, улыбался и был в приподнятом настроении. На лице у него не было ни капли волнения. Они начали о чём-то говорить на фламандском вперемешку с английским, я ничего не понимал. После нескольких минут разговора таможенник взял мой паспорт и поставил там штамп на въезд.

Мы вышли из аэропорта и направились в сторону автопарковки. Шли мы недолго. По пути тренер рассказал, как его вызвали по громкоговорителю, назвали имя, фамилию и попросили подойти к таможенному контролю. Добавил также, что это уже не первый раз он встречал так людей... Не доходя до машины, я попросил сделать быстрый звонок домой роди-

телям с его мобильного. В Европе мобильные телефоны уже активно набирали свой оборот, в то время как в постсоветских странах они войдут в массовое использование только года через два. После моего разговора с родителями я спросил его:

– Что вы сказали таможеннику, от чего он так быстро поставил штамп на въезд?

Тренер широко улыбнулся и ответил:

– А сказал я ему, Роберт, что знаю о том, что денег у тебя мало, но деньги, сказал, здесь не нужны... Я просто-напросто подарю свою машину своему ученику. Таможенник, конечно же, был ошарашен, поэтому попросил меня написать расписку о том, что я дарю тебе машину, а ты в свою очередь обязуешься покинуть страну в течение четырнадцати дней. Так что вот – твоя новая тачка! – улыбнулся тренер и указал рукой на стоящую перед нами машину.

На парковке стояла новенькая Ауди.

– Классная тачка! – сказал я.

Тренер кивнул и сел за руль. Я сел рядом и потянул за ремень, чтобы пристегнуться, хотя это было очень не естественно для наших постсоветских стран на то время, но всё же я знал, что в Европе это обязательно. Однако тренер остановил меня:

– Ты что, Роби (так называли меня друзья – прим. автора)! Не позорь машину...

Я сел, не пристегиваясь, что было более привычно. Тре-

нер тоже не пристегивался. В машине на заднем сидении сидела девушка, которую я не сразу заметил. Как потом выяснилось, тренер её встретил раньше и они ожидали меня. Мы поехали! По дороге они всё время разговаривали, а я отвлечённо смотрел в окно. Из их разговора я понял только то, что знакомый тренера попросил её встретить и привезти в Роттердам. Также они говорили о том, что количество людей, массово покидающих все постсоветские страны за последние несколько лет, колоссально возросло. Она рассказывала про множество своих личных знакомых и знакомых её знакомых, которые эмигрировали за границу. Практически все, кто знал хоть кого-нибудь, кто жил за границей, любыми способами пытались уехать туда. И я оказался не исключением. Когда мы выехали из аэропорта, тренеру надо было заехать в центр Амстердама, где у него были ещё какие-то дела... Человек, как я понял, он был занятой. Мы заехали в город и медленно поехали по узким улочкам Амстердама. Дорога по центру была вымощена брусчаткой, что, естественно, придавало особый колорит месту, а вокруг стояли узкие двух-трёхэтажные домики, приросшие друг к другу, – отовсюду веяло Средневековьем. Мы проезжали через мосты и каналы, по которым во всех направлениях проплывали катера с туристами. Вдоль каналов были аккуратно высажены деревья, а между ними стояли столики, за которыми сидели люди, курили и наслаждались неповторимым голландским пивом. Повсюду хаотично носились велосипедисты, время от

времени врезаясь друг в друга. Мы остановились на одной из центральных улиц. Тренер сказал, что ему нужно отойти и что обратно он вернётся примерно через полчаса, предложил также и нам выйти и размяться. Машина была припаркована на какой-то площади в виде сквера, где гуляло много народа. Я решил прогуляться в пределах сквера, стараясь не терять машину из виду. Девушка, которая сидела сзади, тоже вышла и пошла уверенно в неизвестном направлении. Мне показалось, что она в Амстердаме не в первый раз. Минут через двадцать она вернулась, встала рядом с машиной и закурила. В середине сквера бил небольшой фонтан с бронзовой статуей внутри. Я рассматривал всё вокруг и дышал воздухом Амстердама. В этом воздухе я чувствовал запах свежей выпечки и шоколада, кофе и пива. По тротуарам гуляло много людей с собаками. Я ощутил какое-то внутреннее чувство свободы и сделал глубокий вдох. Такие моменты наполняют жизненной энергией и хочется жить. Через дорогу я увидел идущего тренера и тоже пошёл по направлению к машине. По дороге в Роттердам девушка рассказывала, что два года назад она уже была в Амстердаме и прожила здесь около трёх месяцев. Через несколько минут мы выехали на скоростное шоссе и машина понеслась так, как и подобалось ездить машинам такого класса, прижав меня к сиденью, что непроизвольно вызвало умилённую улыбку. Мы въехали в Роттердам и буквально через несколько минут высадили нашу попутчицу. У дороги её встречал какой-то человек, ви-

димом, их общий знакомый.

Мы продолжили движение по Роттердаму, его окраинам и центру. Город молодёжи и студентов. Очень чистый и ухоженный, с элементами старины и современной архитектуры. Потом я узнал, что в начале Второй мировой войны, в 1940 году, весь центр Роттердама был тотально уничтожен немецкими бомбардировщиками. Поэтому в самом центре города красовались новые современные сооружения. По пути домой тренер спросил:

– Роби, давай заедем к моему знакомому, он трезвонит мне весь день... Ты не против?

– Нет конечно, – ответил я.

Через несколько минут мы подъехали к дому и вышли. Это был небольшой дом, внутри которого было несколько апартаментов. Мы поднялись по лестнице наверх. Тренер постучал. Дверь открыла молоденькая девушка лет двадцати.

– Заходите! – сказала она очень приветливо.

Из другой комнаты вышел молодой парень, который тоже очень обрадовался нашему приходу. Он пригласил нас в одну из комнат. Это была комната-склад или комната-магазин, на кровати лежала куча разной брендовой одежды, на стульях висели брюки и джинсы, куртки, джемпера, свитера и тому подобное...

– Что-нибудь выберешь? – спросил паренёк.

Тренер померил одну куртку, которая показалась ему самой большой. Она и в самом деле была огромная. Это была

выворотка из кожи в виде замша светло-коричневого цвета. По размеру она пришлась ему в самый раз.

– Сколько? – спросил тренер.

– Для тебя – три сотни, – ответил паренёк, – ты не представляешь, чего мне это стоило... Куртка такого размера! – смеясь, сказал он. Ведь и в самом деле стащить куртку такого размера было непросто, особенно маленькому и худенькому парню.

– Да! – улыбаясь, ответил тренер, – три сотни – хорошая цена. Реальная цена за неё, наверное, баксов семьсот?

– Восемьсот!

– Хорошо! – согласился тренер, – оставь мне её, на днях заеду заберу, может, ещё чего-нибудь возьму... Обменявшись парой фраз, мы попрощались и пошли к машине. Только ближе к вечеру приехали к тренеру домой. Нас радушно встретила его супруга и пригласила за стол. Я был ужасно голоден. На столе стояло несколько салатов и горячее. Среди салатов был мой любимый винегрет, а также ещё один салат из овощей. На горячее была картошка с курицей. Положив себе винегрет, я начал его пробовать. «Очень странно...» – подумал я, пробуя снова и снова... Потом я решил попробовать овощной салат – скажу честно, свежие овощи были ещё хуже. Тренер с женой посмотрели на меня и спросили, улыбаясь:

– Не чувствуешь вкуса овощей?

– Винегрет ещё можно есть... – сказал я, смущённо улы-

баясь, – но вот свежие помидоры, лук и огурцы – это абсолютно безвкусно, как пластик.

Они посмеялись и сказали, что у них было то же самое, когда они приехали в Голландию и в первый раз попробовали местные овощи и фрукты.

– Ничего, привыкнешь со временем, – приободрил тренер.

* * *

Гостил я у них около недели. В один из выходных дней мы поехали на местный уличный маркет, где в основном продавались овощи и фрукты. Глядя на них, было трудно поверить, что они натуральные. Все фрукты блестели так, будто их только что начистили до блеска. Но что меня также удивило – это то, что в воздухе среди всей этой красоты не стояло ни малейшего аромата ни яблок, ни слив, ни помидор, ни огурцов, ни морковки. На прилавках лежали пробники – ломтики фруктов. Я взял попробовать и в очередной раз убедился, что к таким фруктам я не прикоснусь ещё долгое время. Всё было настолько искусственное, что непроизвольно вызывало отвращение.

Практически каждый день мы заезжали к кому-то в гости, там я и познакомился с новыми людьми. Всех, кого я встречал, интересовал только один вопрос: «Как там в Совке?» Совком они называли все постсоветские страны. Как оказа-

лось, все хотели слышать только один ответ – что там «полная жопа!» У вопрошающих такой ответ сразу вызывал самоуверенную улыбку и внутреннюю радость, а также укреплял их самолюбие и даже где-то вызывал восторг от того, что они вовремя уехали оттуда. Если же ответ звучал с точностью до наоборот – что в Совке всё хорошо, люди и там прекрасно живут, – то лица менялись и на них сразу прослеживалась грусть, небольшое сожаление и уныние. Быстро заметив это, я предпочитал отвечать то, что они хотели слышать. Этот ответ и у тренера вызывал гордую улыбку. В основном все знакомые тренера были люди постарше меня, но не намного. Было несколько и молодых ребят, примерно моего возраста. Все, кого я встречал, занимались каким-то мелким бизнесом (нелегальным в основном), получая при этом социал (государственное пособие, выдаваемое на еду и жильё) и совсем не желая с ним расставаться, у многих из них даже и в планах не было устроиться легально на работу. Другими словами, как пел Вилли Токарев: «Сижу на Велфере (Социале), как царь на именинах». Их это устраивало и государство, по-видимому, тоже. Вечерами они пересекались в одном местном баре, куда мы с тренером тоже заходили в конце дня, чтобы пообщаться, выпить по пару стаканчиков Хайнекена и поиграть в пул. По лицам подходящих и здоровающихся с нами людей можно было сразу сказать, что публика там собирается матёрая...

В один из таких вечеров за стаканом пива и за ужином

(в барах подавали шикарный традиционный ужин, это было что-то наподобие жаркого с мясом) тренер сказал:

– Роби, в Голландии тебе оставаться нельзя. Ты засветился в аэропорту и я, к сожалению, тоже. Тебя могут пробить (проверить все данные) и сразу депортировать. Если хочешь зацепиться и остаться подольше, надо менять страну. Здесь недалеко Бельгия, думаю, это хороший вариант... Мы подкорректируем твою «легенду», и ты попросишь там политическое убежище. Что скажешь?

После случая в аэропорту я сразу понял, что очень рискованно оставаться в Голландии, да и тренера подводить не хотелось, он ведь расписку оставил, что через две недели я выеду из страны.

– Конечно! Я не против, – согласился я.

– Было бы лучше, конечно, чтобы ты оставался здесь... под боком, но... – он выдержал паузу и продолжил, – Бельгия не так уж и далеко.

Я кивнул и мы продолжили трапезу.

По большому счету мне было абсолютно всё равно, где просить политическое убежище, будь то Голландия или Бельгия, для меня это не играло особой роли. Я понимал, что если просить убежище в странах Бенилюкса, любая из этих стран его предоставляет и обеспечивает всем необходимым, но только на неопределённое время. Всей подобной информацией я уже успел пропитаться за это короткое время моего пребывания там.

В дальнейшем многое зависело от «легенды» (это история твоей жизни, рассказывающая из-за чего или кого ты был вынужден бежать из своей родной страны в другую страну для прошения политического, религиозного или расово-этнического убежища). Если эта история была ещё и подтверждена какими-то письменными или видео доказательствами, которые можно было проверить, тогда шансов на то, что тебе поверят, гораздо больше. Так и получалось, чем убедительней легенда, тем дольше есть возможность находиться в этой стране.

А правдивая легенда или нет – это уже был вопрос риторический, над которым ломали головы и принимали решения уже иммиграционные службы.

* * *

На дворе стояла сырая осень с серостью за окном и часто морозящим дождём, что прямым образом влияло на настроение. Несколько дней я просидел в квартире, никуда не выходя. Квартира сама по себе была просторная: три большие спальни, небольшая кухня и большой зал, в котором меня и поселили. Тренер вставал поздно, собирался и уезжал по своим делам. Его супруга и дети вставали рано и уходили – кто в школу, кто на работу.

Я всегда просыпался довольно рано, около восьми утра, поэтому слышал, как они все постепенно расходились. День

в бездействии длился бесконечно. Когда все уходили, заняться было абсолютно нечем. Оставался только телик, но я никогда не был его большим фанатом; бесспорно, есть интересные, увлекательные фильмы, которые я мог бы посмотреть, но сидеть целыми днями, пронизывая его глазами насквозь, разговаривая с ним, участвуя во всех ток-шоу, зная все сериалы наизусть... Нет! Это не моё. Поэтому я просто ходил по квартире взад и вперёд, чтобы не замёрзнуть, ненадолго присаживаясь в кожаное, холодное кресло от которого становилось ещё холодней, оно располагалось у книжного шкафа... Временами я вставал с кресла и делал мини зарядку (прыгал, приседал), пытаясь согреться. К моему счастью, в этом шкафу книг на полках было предостаточно, поэтому выбор был большой, что также позволяло коротать время в холодной квартире. Тренер и его супруга были люди хорошо образованные и интеллигентные. От этого и литература, стоящая на полках, была классической и, соответственно, увлекательной. Это напомнило мне родительский дом, в котором тоже имелась приличная библиотека, и если брать во внимание любую советскую интеллигентную семью, то практически в каждом доме можно было наткнуться на идентичное собрание книг: стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, «Война и мир» Толстого, Пастернак, Генрик Сенкевич, Мамин-Сибиряк, Александр Дюма, Джек Лондон и многие другие...

Примечательным было то, что здесь, в Голландии (1998

год), я впервые ощутил на себе ту экономию электроэнергии, воды и газа, с которой живёт вся Европа. В то время как большинство постсоветских стран жили, можно так сказать, на широкую ногу, в Европе же люди дорожили каждой минутой включенного света и каждой каплей согретой ими воды. Поэтому, находясь одному в пустой, да ещё и холодной квартире, было вдвойне дискомфортно и неудобно. Ходил я по комнате одетый и обутый. Что было чрезвычайно непривычно. И это было абсолютно во всех квартирах и домах, в которых я оказывался за время моего пребывания там. При этом, как ни странно, люди, с которыми я встречался, были не бедные. И это были наши соотечественники, привыкшие к теплу и комфорту. Они ещё утверждали, что не особо экономят, по сравнению с европейцами, которые вообще не обогревают свои маленькие квартирки, а вечера проводят чуть ли не при свечах, экономя каждый киловатт, – и всё это из за дороговизны электроэнергии и газа. Я знал, что вечером в квартире будет поживее и обязательно включают отопление, так как все будут уже дома. Также была вероятность, что мы с тренером и его супругой пойдём к кому-то в гости или прогуляемся по городу. Поэтому я терпеливо ждал вечера.

* * *

В один из вечеров тренеру позвонил его знакомый Алек-

сей и сказал, что получил очень важное письмо, которое он так долго ждал, и пригласил всех к себе отметить. Мы быстро собрались и пошли к Алексею. Он жил недалеко. По дороге мы зашли в магазин купить пару бутылок вина. Все сошлись на французском Бордо. Мне было абсолютно всё равно какое вино, так как для меня всё было в новинку. Поэтому я со всем соглашался. Квартира, в которой жил Алексей, была не очень просторная, но достаточно уютная. Она была заставлена маленькими журнальными столиками, на них стояли разнообразные светильники, которые горели тусклым светом, тумбочками и стоящими на них вазами различной величины и раскраски. В квартире было прохладно, я даже не стал снимать обувь. В Голландии это было нормой, и никто не обращал внимания. Кто хотел – снимал обувь, кто не хотел – ходил в ней. Первые полчаса я сидел в куртке. Алекс, как он потом представился и попросил его так называть, был мягким по характеру человеком с творческой натурой. С ним жила девушка абсолютно противоположного характера и нрава. Находясь в их компании всего пару часов, я заметил, что общий язык этой паре найти было очень сложно. Ещё одну спальню занимал его знакомый – музыкант Лёня. Он был гитаристом, уличным музыкантом. Играл великолепно. В основном классическую музыку и романсы. Мы все сидели в зале в полумраке светильников и мерцающем свете свечей. Все, конечно же, поздравили Алекса с его долгожданным письмом, которое он так долго ждал. Тренер и его жена

были искренне рады за своего друга, они тоже были в ожидании подобного письма и знали, что вот-вот его получат. Это письмо оповещало о том, что Королевство Голландии готово предоставить Алексу гражданство – такое письмо являлось последним этапом перед получением долгожданного паспорта. Первая половина вечера началась не очень гладко, с постоянными перепалками и несогласием друг с другом Алекса и его спутницы. Потом все переместились на кухню, курили и продолжали разговор, а кто-то и спор. Алекс тем временем заказал пиццу из итальянского ресторанчика. Когда все вернулись в зал, аромат пиццы уже разошёлся по комнате. Вторая половина вечера проходила уже превосходно, в дружественной обстановке. Все комфортно сидели в зале на мягких креслах и диванах, беседовали и пили вино. Бокал французского вина, кусочек итальянской пиццы – всё было свежее и невероятно вкусное. Вот только к вину надо было привыкнуть, так как в постсоветских странах все привыкли пить сладкое или полусладкое вино. В Европе же вина были натуральные, без добавления сахара, а следовательно, кислые.

После вкусного ужина Алекс достал портсигар и вынул из него две самокрутки. Такие самокрутки можно было купить во всех кофешопах Голландии. Алекс предложил не выходить на кухню, а раскурить всё в комнате. Пошёл фиолетовый дым, и через несколько минут после оживлённой беседы воцарилось спокойствие и умиротворение. Алекс попро-

сил Лёню сыграть на гитаре, на что тот любезно согласился. Играл он, как мне показалось, испанские мелодии, в основном медленные, лирические. Петть он не любил. Вышли мы от Алекса приятно уставшие и пошли домой по ночному Роттердаму, который горел тысячами огней, и ночь в этом свете казалась золотой.

На следующее утро после завтрака тренер принёс тетрадку и ручку и сказал:

– Садись, пиши.

Это была моя «Легенда». Мы долго её корректировали и дорабатывали. На протяжении всего дня к тренеру заходили его знакомые, которых он волей-неволей вовлекал в корректировку «легенды», каждый делился своим опытом и давал дельные советы. Также он звонил другим знакомым, которые тоже чем-то умудрялись помочь, дав нужный совет по телефону. Вообще, я заметил, что на советы друг другу эмигранты не скупились, особенно если это было нужно твоим знакомым, если же это был совершенно посторонний человек, то дело обстояло немного иначе. Информация у них была свежая, можно сказать, из первых уст. Около девяти часов вечера к тренеру зашёл его друг Том. Это был парень лет двадцати пяти, низкого роста, плотного телосложения, с чёрными волосами и такими же чёрными глазами. Как мне показалось, это был один из самых приближённых друзей тренера, с Томом он вёл себя очень расслабленно и непринуждённо, а говорить они могли абсолютно на все темы...

Том, прочитав легенду, сказал:

– Нормально... нормально. Только нужно кое-что добавить...

– И что же? – спросил недоумевающим голосом тренер.

– Пускай сдаётся как подросток! Ну ты же сам знаешь... льготы, привилегии...

– Да посмотри на него... Какой он тебе подросток?!

Том посмотрел на меня, широко улыбаясь, затем повернулся к тренеру и сказал:

– А ты что, забыл, как мы пару недель назад тридцатипятилетнего Гиви, у которого все волосы седые, а сам размером с Кинг-Конга, сдали как шестнадцатилетнего, и ничего, сидит пока...

– Да, помню! Но... могут и не поверить, – призадумался тренер.

– Но проверить уж точно никак не смогут! – ухмыляясь, ответил Том.

– Что скажешь, Роби? – спросил тренер.

– Я думаю что вам видней, вы уже собаку на этом съели...

– Хорошо! На том и порешим... Будешь малолеткой, – уверенно заявил тренер.

Том посидел ещё немного, попил с нами чай с пирогом, который испекла супруга тренера, и ушёл. Закончили мы далеко после полуночи.

– Ну, как тебе?.. – спросил тренер, закуривая на кухне очередную сигарету, у которой он, как обычно, оборвал два

сантиметра. «Это чтобы меньше курить», – утверждал он. Но курил при этом все равно очень много.

– Всё так и есть! Ни убавить, ни прибавить! Прямо история моей жизни! – улыбаясь, подтвердил я.

– А теперь, Роберт, – начал серьёзным тоном говорить тренер, – тебе нужно будет усвоить ещё один очень важный урок, уяснить для себя и понять, что с того момента, когда ты переступишь порог здания, в котором просят убежище, ты автоматически становишься другим человеком, ты постоянно должен помнить о том, что всё теперь вымышленное, ненастоящее... Тебе нужно будет привыкнуть к этому, смириться и жить с этим какое-то время. Ведь там, куда ты идёшь, другой мир; то общество, тот контингент, с которым тебе предстоит столкнуться, в большинстве своём уже хорошо знают лагерную жизнь и все её нюансы... с которыми тебе только предстоит познакомиться. В том вымышленном мире все имена, фамилии, страны, города, личная жизнь – всё фейк! Все твои новые знакомства, всё, что будет тебе рассказано, не верь ни одному слову, а ты в свою очередь отвечай легендой, которая станет теперь твоей Новой Жизнью. Лишь только тогда, когда ты встретишь друзей, узнаешь их получше и будешь видеть и чувствовать, что они с тобой откровенны, только тогда ты можешь быть также откровенен с ними, но не раньше. Ты меня понимаешь, Роби? – спросил тренер, пристально смотря мне в глаза.

– Мне кажется, что понимаю... Я ведь тоже не вчера ро-

дился, – ответил я так, будто всё, что говорил тренер, было мне уже знакомо.

Он слегка улыбнулся, вздохнул и посмотрел на меня так, как смотрят на маленьких детей, когда они утверждают, что всё знают...

– Держи, Роби, легенду ближе к сердцу, заучи и спать с ней ложись, – сказал тренер и похлопал меня по плечу, – а сейчас действительно пора спать, уже три часа ночи, или утра, – добавил тренер и мы разошлись по комнатам.

Как и было сказано, несколько ночей подряд я ложился с ней спать, зачитывая на ночь, как «Отче наш», а в течение дня, когда находился дома, также читал и пропитывался ею насквозь, погружаясь в новую, незнакомую мне историю вымышленной жизни.

Я помню, стоял серый, дождливый осенний день. Я провёл его, как и прежде, не выходя из квартиры. Внутри уже присутствовало странное чувство какого-то завершения... Миссия подготовки прошла свою стадию. Ближе к вечеру приехал тренер и предложил прогуляться. Мы пошли в ближайший бар, взяли по пиву, присев, как раньше, у барной стойки, за которой тренеру сидеть почему-то было гораздо удобней, чем за столом. Он выпил залпом бокал холодного бодрящего «Хайнекена» и произнёс:

– Ну что ж, Роби, завтра утром выдвигаемся в Бельгию, в Брюссель.

Это было ожидаемо, к тому же я был к этому готов. Конеч-

но, было немного грустно и появлялось необычное чувство пустоты и неизвестности. Тренер тоже сидел невесёлый, он знал, что пришло время, хотя и пытался шутить и подзадоривать меня в этот вечер, но у него это не особо получалось.

Глава 4. Утро в Брюсселе

На следующее утро мы выехали рано, примерно в шесть утра. Ехали около двух часов, всю дорогу обговаривая легенду. Время пролетело очень быстро, я даже не заметил, как мы въехали в центр Брюсселя и остановились возле новых, чёрных, высотных стеклянных офисов. Что вызывало у меня сразу интерес к месту. Всё казалось величественным и современным. Тренер указал мне на толпу людей, стоящих под одним из высотных зданий. Там было огромное количество людей, примерно человек двести.

– Видишь ту толпу, Роби? – спросил тренер.

– Да, – ответил я.

– Иди туда, становись в очередь и жди, – сказал он, закуривая на этот раз уже целую сигарету.

– Скоро всех будут запускать внутрь... Когда придёт твоя очередь, скажешь, что просишь политическое убежище, а дальше всё по легенде... Единственное, что меня беспокоит, Роби... – продолжил тренер, выдержав небольшую паузу и выдохнув облако сигаретного дыма из лёгких, а также сделав недовольное лицо, – так это то, что тебя могут поселить в не очень хорошее место... Вообще, здесь в районе Брюсселя много разных хороших лагерей, но этот...

– А что в нём не так?... – поинтересовался я.

– Просто он большой... неконтролируемый... и там все-

гда куча всякого сброда... Я бы очень не хотел, чтобы ты там очутился. Запомни, он называется Пети Шато! И если тебя в него определяют, я даже не знаю... попробуй попросить, чтобы тебя поселили в другое место что ли... Ну что, готов? – спросил неожиданно тренер, смотря на меня грустным взглядом, но всё же улыбаясь.

– Готов! – ответил я, – не стоит беспокоиться, всё будет хорошо!

Мы пожали друг другу руки, и я вышел из машины. Тренер открыл окно и крикнул вслед:

– Номер ты мой знаешь. Звони, если что...

Я ничего не сказал, только кивнул в ответ и улыбнулся, продолжая идти по направлению к толпе людей. Встав в очередь, я увидел людей со всех точек нашей планеты, разных религий и национальностей. Кто-то выглядел по-европейски, а кто-то вообще был для меня, как с другой планеты. Спустя примерно пятнадцать минут вся толпа начала постепенно продвигаться вперёд. Я оглянулся назад и не поверил. За мной образовалась почти такая же толпа людей, какая стояла передо мной, а прошло каких-то пятнадцать или двадцать минут.

Вдруг неожиданно из толпы ко мне подошли два парня. По их лицам я сразу определил ребят с Кавказа, которые практически всегда, насколько я их знал, отличались приветливостью и дружелюбием.

– Привет, – сказал паренёк поменьше ростом, но крупнее

второго, стоявшего позади него.

– Привет, – ответил я.

– Меня зовут Ашот, – представился он, пожимая мне руку.

– Русский? – тут же спросил он.

– Да, – снова коротко ответил я.

– Моего друга Руслан зовут, – добавил Ашот.

Руслан прошёл ко мне и протянул руку. Ростом он был выше среднего, худощавого телосложения.

– Привет, – мы пожали друг другу руки, – Роберт.

– Очень приятно, – ответил Руслан.

– Вы из Грузии? – поинтересовался я.

– Я из Грузии, – сказал Руслан, – Ашот из Армении, но мы давние друзья, – добавил он.

По-русски они говорили очень хорошо, но с небольшим кавказским акцентом. По возрасту мы были примерно одноклассники. Через несколько минут я уже стоял перед большими дверями, по обеим сторонам которых стояли по два охранника и что-то раздавали. Меня быстро спросили, на каком языке я говорю, а также почему я здесь, дали номерок и анкету, состоящую из одного листа. Всё было очень быстро и хаотично. Толпа подпирала, толкалась, и возле двери невозможно было пройти спокойно. Туда вваливались сразу как минимум человек десять. Поэтому секьюрити справлялись очень быстро, задавав два вопроса и выдавав номерок с анкетой. Поток толпы занёс меня внутрь, где я оказался в огром-

ном холле, посредине которого было много сидячих мест, но они все уже были заняты. Я сел возле стены на старый рюкзак, который дал мне с собой тренер. В нём лежал только спортивный костюм, остальные вещи остались у тренера. Он утверждал, что так лучше, к тому же будет повод приехать и проведать меня. Как я уже сказал, холл был огромен. В центре толпились люди, а по всему периметру были расположены офисы, над которыми висели небольшие электронные табло, показывающие номера. Мой номер переваливал за двести – я понимал, что меня вызовут не так скоро. Поэтому я просто сидел и наблюдал за происходящим. Было очень шумно.

В своё время беженцы из Совка придумали интересное название этому заведению, прозвав его «Комиссариатом». В основном, как я заметил, люди приходили сюда большими компаниями, чуть ли не поселениями. В большинстве своём это были беженцы из Индии, Пакистана, Сомали, Бангладеша, Марокко, Ирана, Ирака, а также стран Балканского полуострова и, конечно же, из разных стран бывшего советского Союза. Спустя несколько минут я увидел ребят с Кавказа – Ашота и Руслана. Они ходили и искали, где бы присесть. Увидев меня, они сразу пошли в моём направлении.

– О! Привет ещё раз, – сказал Ашот, улыбаясь.

– Привет, ребята, – кивнул я и предложил им упасть рядышком.

Они обрадовались и кинули свои рюкзаки возле меня.

Я попросил у них ручку и стал заполнять анкету, которая оказалась очень элементарной и состояла всего лишь из нескольких вопросов. Номерки на табло менялись достаточно быстро, но только до обеда. Потом был час перерыва и всё замерло. Людей становилось всё меньше и меньше. Из всей той толпы людей, стоящей на улице утром, запустили только какую-то часть, остальным сказали приходить в другой день и желательно пораньше. Это мне рассказал Ашот, сказав, что несколько дней назад они сами попали в такую ситуацию. И так как он очень любит поспать, прийти к 8 утра было проблематично. Поэтому их уже два раза отсылали восвояси. А на мой вопрос: «где же были ваши восвояси?» Ашот сначала замялся, но потом ответил, что у них в Брюсселе много знакомых, как из Грузии, так и из Армении. Парень всё время был обкуренный, поэтому абсолютно не контролировал, что и кому говорил.

Из его слов я понял, что он из состоятельной семьи, что парень он выхоленный и избалованный, такому здесь будет непросто. Что не скажешь про его друга Руслана, он был определённо из бедной семьи, и соответственно, более приспособлен к спартанской обстановке.

Примерно около четырёх часов вечера на одном из табло высветился номер моего билета. Дверь была в дальнем углу холла, я не спеша пошёл в её направлении. Зайдя внутрь, оказался в большой комнате, в которой был очень минималистичный интерьер. Посередине стоял большой прямо-

угольный стол, вокруг которого стояло много стульев. На стене висела большая карта мира. В комнате присутствовали три молодых человека, не старше тридцати лет. Один из них сидел за компьютером, второй – перебирал какие-то бумаги, стоя у окна, а третий, который был ближе всего к двери, сидел на столе, поставив одну ногу на стул. Он посмотрел на меня уставшими, красными глазами, поздоровался, взял мою анкету и предложил присесть, просто указав рукой на стул. После того как он взглянул в анкету, спросил на русском языке измученным голосом:

– Откуда?

– В анкете всё написано, – ответил я.

– Укажи на карте, где находится твоя страна, – сказал он и дал мне указку, лежавшую возле него на столе.

Я подошёл к карте, но решил не указывать, ведь по легенде я был человеком практически из трущоб, значит и знаний у меня не было. Вернувшись обратно к офицеру и отдав ему указку, я просто развёл руками.

– Ладно, – сказал он, ухмыляясь.

Говорили мы недолго, минут пятнадцать. Всё что я говорил, он записывал. Порой офицер становился серьёзным и даже пытался как-то на меня морально надавить и даже запугивать. Вероятно, в надежде на то, что я испугаюсь, одумаюсь и захочу вернуться назад домой. Наверняка на кого-то это действовало, но для меня, как для человека, рождённого в СССР, всё то, что говорил мне иммиграционный офицер,

пытаясь, как я уже сказал, на меня давить и запугивать, выглядело как-то нелепо, да и делал он всё вяло, без энтузиазма, по-видимому, уже выбившись за целый день из сил. Если сравнить этого офицера практически с любой нашей «Тётей Маней», выглядывающей своим устрашающим видом из-за прилавка в кулинарии, а ещё хуже, мясной лавки, то она уж точно могла навести куда больше страха, нежели этот офицеришка. И всё же я решил ему подыграть, делая вид испуганного мальчика, который вот-вот расплачется, и в то же время очень настойчиво давая ему понять, что моя история никак не позволяет мне возвращаться обратно. Другими словами, пути назад нет. В конце нашей беседы он выдал мне какой-то заламинированный лист бумаги и сказал, что это мой документ на неопределённое время. Типа паспорта. Он должен быть всегда при мне, на случай, если меня остановит полиция для проверки личности и всякое такое. Также сказал, что с этим документом я могу свободно передвигаться по всей Бельгии.

Сделав небольшую паузу и посмотрев пристально мне в глаза, как бы убеждаясь, понял я или нет, добавил, что этот документ мне нужно будет предъявить секьюрити при входе в лагерь (место, где живут беженцы). При этом выдал мне ещё один лист бумаги, на котором была изображена карта расположения этого лагеря, а сверху большими буквами было написано: «Le Petit-Château»... то самое место, о котором предупреждал тренер.

Лагерь этот располагался недалеко отсюда, как я понял, взглянув на карту, минут 30–40 пешком. Просить о том, чтобы меня перевели в другой лагерь, я не стал, так как никаких беспокойств по этому поводу я не испытывал, даже наоборот, у меня почему-то был живой интерес к этому месту, хотелось увидеть его воочию и прощупать его самолично.

Выйдя из кабинета, я увидел Руслана, который сидел в полупустом зале на стуле напротив. Выглядел он очень поникшим и, вероятно, ждал Ашота. Я подошёл и поинтересовался, от чего он такой унылый и куда его определили. На что он ответил, что ничего хорошего не произошло, а определили его, как он сам выразился, в самое «пропащее место» в Брюсселе. По-видимому, он был очень хорошо проинформирован о всех лагерях, находившихся в округе, и хотел попасть в один из лучших.

– Меня посылают в «Пети Шато»! – сказал Руслан с очень кислым лицом.

– А тебя куда адресовали? – спросил он тут же.

Я ответил, что и меня туда же, и добавил, чтобы он не падал духом, что всё будет хорошо.

– Ты знаешь, Руслан, – сказал я, порой не так страшен чёрт, как его малюют... так что не переживай заранее.

Через несколько минут вышел Ашот. Это была эпическая картина: он ссутулился, побледнел, на лице вообще не было признаков жизни. Мне кажется, что так выглядят люди, которых приговорили к смертной казни или, на худой конец, к

пожизненному отбыванию срока где-то на каменоломне. Мы даже рассмеялись с Русланом, сразу поняв, что теперь мы будем «отбывать срок» в одном месте.

– А ты чего такой довольный? – спросил меня Ашот.

– А с чего мне огорчаться? Лагерь определили, документ выдали. Что ещё нужно?

– Лагерь лагерю рознь, – поддержал его Руслан серьёзным тоном.

– Может быть... я не знаю. Но так, как расстроился Ашот, расстраиваться точно не стоит, – сказал я, смеясь и глядя на Ашота, после чего мы пошли к выходу.

Глава 5. Le Petit-Château

Le Petit-Château (Пети Шато), в переводе с французского – маленький замок. Это действительно был замок, который находился в самом центре Брюсселя. Построенный в середине XIX века позже он был отдан под казармы для солдат. Потом долгое время служил тюрьмой для тех же солдат, вероятно, изменников. А ещё немного позже был военкоматом для молодых новобранцев. Лишь в 1986 году был переделан под центр для приёма беженцев. Само здание состояло из трёх этажей и было П-образной формы, внутренние углы

здания соединяла высокая 6–7-ми метровая массивная стена, посередине которой были ворота в виде арки, а сверху по краям возвышались две башни, каждая из которых напоминала шахматную ладью. В середине был просторный двор, вымощенный брусчаткой. По фасаду здания, переплетаясь и карабкаясь аж до самого верха, рос дикий виноград, листья которого меняли свою окраску в зависимости от времени года. Особенно красиво листья смотрелись осенью, когда они были багряно-красного цвета.

Мы втроём подошли к офису секьюрити, который располагался прямо у ворот замка, и зашли внутрь. Стены офиса были все облеплены мониторами, где просматривался каждый уголок лагеря. Там находились два охранника, мы показали им наши новые документы и присели на стулья, стоявшие под стеной. Молодой парень взял наши документы и стал выписывать все данные. Второй молодой охранник стал подзывать нас по очереди и фотографировать; сфотографировав, сказал нам подойти завтра утром для получения пластиковой карточки (пропускного). Потом один из охранников отвёл меня в сторону и попросил подождать здесь, сказав, что сейчас подойдёт социальный работник для несовершеннолетних и всё мне покажет и расскажет... Говорил он на английском, простыми, элементарными фразами, поэтому понять его было несложно. Через несколько минут подошел молодой человек, звали его Франк. Ему было лет тридцать, худощавый, высокого роста, очень коротко стрижен-

ный с узенькими усами над губой и такой же узенькой, короткой эспаньолкой на бороде. Он представился и сказал, что он мой социальный работник и, если будут какие-то вопросы, то обращаться непосредственно к нему. Говорил он со мной по-русски, с небольшим французским акцентом. Франк был бельгиец. Ашот с Русланом остались ожидать своего соцработника. Как потом выяснилось, всех в лагере распределяют по группам (количеству людей), и у каждой группы свой соцработник. После того как Франк показал мне, где находится его офис, мы продолжили ознакомление с Пети Шато. Офисы всех социальных работников находились на первом этаже здания также, там находилась столовая, игровая комната или комната досуга, небольшой телевизионный зал, мест так на 30–40, в углу здания находилась большая кладовая комната, где можно было взять всё необходимое для ванны и туалета; несколько больших, просторных комнат на том же первом этаже занимали женщины, где они скрашивали свой досуг обычными женскими занятиями (вышивкой, аппликациями, чтением), но в основном, конечно же, они просто там сидели и разговаривали. По центральной лестнице мы поднялись на второй этаж, там начинались жилые комнаты, среди этих комнат, находился небольшой спортивный зал, где можно было поиграть в мини футбол и побросать мяч в баскетбольное кольцо. Поднявшись на третий этаж, мы с Франком оказались в центре длинного коридора, по периметру которого были расположены комнаты – много комнат. Прой-

дя по коридору, свернули в левое крыло; Франк открыл узкую дверь и мы вошли внутрь, оказавшись в большой, светлой, прямоугольной комнате с высоким потолком, высоким, узким окном напротив двери и двумя узкими окнами, расположенными по углам комнаты. Комната была довольно широкая, посередине шёл коридор, а по обеим его сторонам были маленькие кабинки (два на два метра), по шесть с каждой стороны. Кабинки были сделаны из металлопластика, вместо двери висела плотная тёмно-синяя занавеска. И если потолки в комнате были высокие, около пяти метров, то сама кабинка была метра два в высоту. Человек высокого роста, как я, например, мог встать на цыпочки и легко лицезреть «комнату» соседа, хотя по-большому счёту лицезреть там было нечего: кровать, узкий высокий железный шкаф для вещей и стул. Над кроватью висел светильник, который горел очень тускло, чтобы ночью не мешать остальным.

– В этом крыле, Роберт, комнаты для несовершеннолетних, эта комната под моим присмотром, поэтому если будут какие-то недоразумения, приходи и говори мне. Окей? – сказал Франк, слегка улыбнувшись.

Я понятиливо кивнул головой.

– Можешь выбрать любую свободную кабинку, – добавил он.

В комнате никого не было, но кабинки практически все были заняты. Я нашёл одну свободную и положил на кровать свой рюкзак. Главная дверь на ключ не закрывалась, поэто-

му войти и выйти мог кто угодно. Железные шкафы в кабинках тоже были в свободном доступе, но они хотя бы имели петлички, поэтому многие сами приобретали навесные замки и вешали их на дверцу. Но и это не спасало: железо было настолько тонким, что если сверху или снизу чем-то острым подцепить угол двери, а затем взять его рукой, то можно было с лёгкостью любому парню средней силы отогнуть дверь до такой степени, чтобы без труда вытащить из шкафа всё, что заблагорассудится, что иногда и делали любители лёгкой наживы и чужих вещей. Туалетов в комнате не было, они находились в коридоре на каждом этаже. А вот чтобы помыться – принять душ, для этого надо было спускаться вниз, выходить на улицу и идти за столовую, где стояло отдельное старое здание. Когда мы с Франком вышли из комнаты, то встретили в коридоре Ашота и Руслана, они сразу же начали просить Франка, чтобы он перевёл меня к ним в комнату, даже не спросив, хочу я этого или нет. Они, конечно же, хотели, чтобы вся комната состояла из Совков, чего я, собственно, не хотел, но не стал спорить и говорить об этом вслух. Я всегда ценил своё уединение и спокойствие и никогда не был сторонником балагана и панибратства, тем более с незнакомыми мне людьми. А кто будут моими соседями по комнате, меня это особо не волновало, так как за свой покой и уют я мог достойно постоять. «Ну да ладно», – подумал я, тревожить себя не дам в любом случае.

В комнате у них оказалась одна свободная кабинка, и я

перешел туда, тем более что Франк был не против, он пожал мне руку на прощанье и ушёл. Один из соседей по комнате меня сразу предупредил, что буквально два дня назад в душевой было совершено изнасилование. Изнасиловали одну девушку, также сказал, что там ходят несколько человек, видимо, извращенцы, и когда там кто-то купается, подглядывают в душевые кабины. Послушав все предупреждения и сделав для себя вывод, я отправился в столовую. На ужин был рис с моллюсками. Здесь! В лагере! Я был приятно удивлён такой еде. Порция была небольшая, но этого было вполне достаточно. Вообще, кормили здесь очень хорошо. В столовой стояли длинные столы и лавки, по обеим сторонам, человек на шесть с каждой стороны. Сидеть можно было где угодно, разделений особых не было. Разве что семейные, они старались держаться таких же пар. После ужина, прихватив с собой тупой столовый нож в целях самообороны – при дюжей силе травмировать им можно было бы без труда – я отправился принять душ. Зайдя к себе в кабинку, я взял в руку нож и накинул сверху полотенце. Не доходя до здания душевой, перед входом стояли два высоких парня (африканца) неприятной внешности. Я подошёл к ним вплотную и на мгновение остановился между ними, посмотрев пристально сначала на одного, затем на другого, этим дав им понять, что лучше к моей душевой кабинке им не приближаться, и вошел внутрь. Внутри было большое квадратное помещение с душевыми кабинами в четыре ряда. Я постоял, послушал и

убедился, что я здесь один. Зайдя в душевую кабинку, разделся и положил нож в мыльницу перед собой. В то время, когда я принимал душ, кто-то вошёл и пошёл в одну из кабин в последнем ряду, за ним вошли те двое, один остался смотреть, по-видимому, за мной, так как он стоял за углом и мельком время от времени поглядывал в мою сторону, а второй последовал за другим человеком. Я решил быстро одеться и выйти, пройти между рядами, оценить ситуацию. Быстро одевшись, я вышел, засунув руки в карман куртки, держа нож в правой руке, тем более что сделать это было просто, так как в правом кармане моей кожаной куртки была большая дырка. Одного из них, того, кто меня караулил, уже не было на месте. Я слышал, где бежит вода, и пошёл в том направлении. Не доходя, увидел тех двоих, стоящих возле кабинки, где кто-то принимал душ. Я не знаю, что они собирались сделать, но наверняка намерения у них были неблагие. Увидев меня, они быстро пошли вокруг рядов, я последовал за ними. Проходя мимо, заглянул в кабинку, где бежала вода, там был молодой парень лет шестнадцати. Скорее всего, он проживал в крыле для несовершеннолетних. Те двое подошли к двери и вышли, я вышел за ними. Они встали метрах в пяти от входа и закурили. Я стоял возле двери и ждал, когда выйдет парень. Тут из-за угла появилась знакомая фигура, это был сосед по комнате – крепкий мужчина лет сорока из Армении. Когда он подошёл, я объяснил ему ситуацию и попросил, чтобы он присмотрел за парнем,

который купается, при этом указав на двух подозрительных типов, стоявших в стороне, он недоверчиво посмотрел в их сторону и понимающе кивнул. В дальнейшем подозрительных африканцев я там больше не видел. Меня всё это несколько не смущало, что ещё можно было ожидать от места, где собраны люди со всех стран третьего и четвертого мира? И понятно, что не сливки общества.

Есть люди более менее здравомыслящие, а есть абсолютно не в адеквате, всех ведь не поставишь под одну гребёнку. И так было всегда. Единственное, что меня волновало в тот момент, когда я возвращался обратно из душевой в свою комнату, так это тепло ли там ночью? Так как после холодных европейских квартир меня долго пробирал озноб. Как оказалось, в комнате было всё время тепло и сухо. Находясь в кабинке тёплой комнаты, читая или слушая музыку, я ощущал покой и уют. Внутри этого замка преобладала особая атмосфера, хочу сказать, что уже с первых дней я не чувствовал там дискомфорта, скорее, наоборот – там я чувствовал себя свободным и защищённым!

Глава 6. Новые знакомства

Не успел я зайти в кабинку, как ко мне подошёл парень года на два старше меня, он был среднего роста, щупловат. Одет он был хорошо, как для «беженца» его лет, и очень уж выхоленный, взгляд у него был взволнованный.

– Меня зовут Сергей, – представился он.

– Роберт, – сказал я.

– Ты, я так понимаю, здесь новичок, ничего не знаешь, так ведь? – спросил Сергей.

– Да, так, – ответил я.

– Я тебе всё расскажу и покажу, я здесь уже всё знаю... Ведь надо держаться вместе, не так ли? – взволнованно спросил он и потёр свои влажные ладони. Выглядел Сергей как-то жалко и одиноко.

– Так, – согласился я и спросил, – ты давно уже в Европе?

– Да! Уже три года, – ответил Сергей, всё также нервно потирая руки.

– Прежде чем переехать в Бельгию, я жил два года в Швейцарии и год в Германии. И вот только месяц здесь.

Я хотел его спросить, как он оказался в Бельгии, ведь Швейцария и Германия страны ничем не хуже, даже лучше, но он меня перебил и сказал:

– Пойдём, я тебе здесь всё покажу и расскажу, и познакомлю, может, с кем-то заодно...

Сергей рассказал, что в лагере проживало около трёхсот человек на тот момент. Женщины, молодые девушки и семейные пары занимали практически весь второй этаж. На третьем этаже в правом крыле располагались подростки без родителей (от 14 до 19 лет). Это куда отвёл меня Франк изначально. Остальные же комнаты третьего этажа занимала мужская половина.

Мы вышли на улицу, и Сергей предложил прогуляться по вечернему Брюсселю. Сказал, что покажет мне все значные места... Я, конечно же, согласился. Было уже темно, но улицы по всему городу были прекрасно освещены. Сергей сказал, что покажет мне улицу «красных фонарей» и сексшопов и что мы пройдемся по Европейскому кварталу, а также зайдём на легендарную площадь Гранд-Плас. Гуляли мы в тот вечер долго. Сергей знал, что на площади Гранд-Плас будет световое шоу, и мы подошли буквально за минуту до его начала. Это было шедеврально! Для человека, приехавшего из Совка, увидеть Королевский Дворец, освещаемый всеми цветами радуги, да ещё и под музыку великих композиторов и музыкантов: Моцарт, Бах, Бетховен, Шопен... Это было просто невероятно, я был в полном восторге. «Ведь мне всего лишь двадцать один, а я уже созерцаю всю эту красоту», – подумал я. После окончания шоу мы пошли обратно в лагерь. Сергей всю дорогу расспрашивал, понравилось ли мне всё то, что он показывал мне весь вечер. Я говорил, что, безусловно, понравилось, и он шёл рядом, довольный собой.

Когда мы пришли обратно, он сразу зашёл ко мне в кабинку и сказал:

– Роберт, слушай, тут такое дело... – и, сделав паузу, продолжил, – мне срочно нужно сто баксов, потом верну, не сомневайся! – сказал он, нервно потирая влажные от волнения ладони.

– Можешь занять, всего лишь на две недели? Пожалуйста, – повторил он.

Я посмотрел на него с жалостью. В кармане у меня было триста долларов, остальные двести я оставил у тренера на «чёрный день», как он выразился.

– Да, – согласился я, – могу.

Сергей сильно обрадовался и стал клясться, что через две недели отдаст. Конечно же, в глубине души я ему не поверил, но понадеялся, а вдруг... Он взял деньги и сразу же убежал, благодаря на ходу. Вернулся поздно ночью и спал потом до обеда, а оставшиеся полдня ходил весь помятый. Деньги пошли на «благое дело». На завтрак столовая была не многолюдна. Открывалась она в 7.30 утра, закрывалась в 10.00. Люди в лагере в основном вели ночной образ жизни, собирались компаниями в коридоре или на улице, разговаривали, курили, пили кофе и чай. Соответственно, утром многие из них просто отсыпались и выходили только к обеду. На ужин также народа было немного, в большинстве своём они гуляли и ужинали за пределами лагеря. Как я потом узнал, у многих, из проживающих в Пети Шато, в Брюсселе уже давно

живут знакомые, друзья, родственники. На следующий день после обеда я отдыхал у себя в «кабинете». Всех своих соседей по комнате я толком ещё не знал, не считая Ашота с Русланом и Сергея, конечно. В «кабинет» постучали:

– Можно войти? – спросил Сергей, – только я не один, – добавил он.

– Заходите, – ответил я.

Вошёл Сергей и с ним ещё два человека. Я посмотрел на них и предложил сесть, сдвинувшись при этом на край кровати. Сергей сел на стул и сказал:

– Знакомьтесь, это Роберт! А это ребята с нашей комнаты. Это Миша, а это Армен, – мы пожали друг другу руки.

По возрасту они были года на два-три старше меня. Миша был слащавый, абсолютно не приятный тип, выше среднего роста, блондин с желтоватым оттенком, узкоплеч и толстоват, глаза у него были мутно голубого цвета. Стоять Миша спокойно не мог, он был весь на шарнирах: мялся с ноги на ногу, становился сначала на носки, затем на пятки, и всё это сопровождалось лёгким потряхиванием всего тела и головы. Армена также можно было отнести к людям, которые не вызывают никакой симпатии. Среднего роста, с вечной небритостью, большим, орлиным носом, всегда всем недоволен, агрессивен и хамоват.

Они начали мне рассказывать о своих грандиозных планах: о том, что они хотят открыть «клуб», чтобы тренировать детей по борьбе и боксу. Про бокс им уже, по-видимому, рас-

сказал Сергей. Так как буквально за день до этого при нашем разговоре я упомянул, что занимался боксом последнее время и даже тренировал начинающих. Борьбой, как потом выяснилось, занимался когда-то Миша. Смотря на эту команду тренеров-тунеядцев, мне сразу вспомнились мои друзья и знакомые, которые всегда прогуливали уроки физкультуры, не говоря уже о серьёзном занятии каким-либо спортом. Поэтому я сразу понял – пришли деньги клянчить. Закончив свою эпопею, Миша попросил денег: сто долларов ему, как тренеру по борьбе, и сто – Армену. Всё, как он утверждал, пойдёт на развитие «благого» дела...

– Допустим, ты тренер по борьбе. Хорошо! – сказал я с сарказмом, – а Армену тогда на что деньги? – после вопроса возникла небольшая пауза.

После которой Миша выпалил:

– А он будет выступать менеджером нашего «клуба»! – Армен расплылся в улыбке. Быстренько оценив ситуацию, прикинув, что деньги небольшие и что пару должников под боком... пусть будут, ведь деньги всё равно рано или поздно они вернут, а если и не вернут, то отработают.

– Хорошо, – сказал я, – деньги я могу дать, но принимать участие в вашей аванюре с борьбой и боксом не буду. Поэтому могу выдать на срок в три недели, по истечению которых, – продолжал я, – деньги нужно вернуть.

Армен сразу же начал клясться мамой, что деньги вернет. Миша стал рассказывать за свою сестру, которая приедет к

нему в гости через три недели, чтобы его провести, и привезёт с собой кучу бабла. Выдуманный клуб сразу же исчез из горизонта, всё стало на свои места. Я выдал им по сотне, при этом попросив, чтобы они следили за тишиной и порядком в нашей комнате, а также чтобы никто из них в ней не курил и другим не позволяли. С чем они любезно согласились и пообещали тишину, чистоту и порядок (всё так и было, до последнего дня). Через несколько секунд, не успев откланяться, от них и след простыл. Миша вернулся через час с новой мобилкой на поясе, весь сияя от счастья. Армена не было видно до следующего утра. За свою недолгую жизнь я уже успел повидать много разных людей, а также их нравы, характеры, поступки и вытекающие из них последствия. Поэтому, опираясь на свой жизненный опыт, пусть и не богатый, заметил, что человек не меняется никогда, разве что за редким исключением. И если он был таким в детстве и юности, то с возрастом он может только завуалировать всё отрицательное в нём, выставляя на показ «лучшие» свои качества. И все мысли, как позитивные так и негативные, а также манеры поведения и поступки год за годом, рисуются на его образе, который в большинстве случаев можно прочитывать как потрёпанный, ненужный черновик, и лишь в редких случаях, глядя на человека, обменявшись с ним несколькими фразами, можно прочесть вполне увлекательную, достойную книгу. Но, к сожалению, таких людей, как и книг, гораздо меньше. За несколько дней, проведённых мной в лагере,

увидев его контингент, уже можно было сделать вывод, что Пети Шато и в самом деле в большинстве своём был наполнен всяким сбродом аферистов-неудачников, неуверенных в себе людей, бездельников, мелких воришек и тех, кто приехал в Европу в поисках наживы и лёгкой жизни. Пети Шато жил своей жизнью. Внутри этого маленького замка бурлил другой мир, где каждый был сам за себя, никто лишнего не скажет... не раскроет душу, не поделится наболевшим. Откровенничать и делиться своими чувствами, переживаниями, другими словами, говорить по душам, свободно и открыто, без подозрений и опаски – здесь никто не станет. За каждым сказанным словом нужно было следить, так как это же слово может быть использовано против тебя. Это была эмигрантская лагерная жизнь, в точности такая, какой описал мне её тренер и какой мне предстояло научиться, чтобы сильно не выделяться.

* * *

Гуляя однажды вечером по маршруту, проложенному Сергеем, я не спеша прохаживался в районе Европейского квартала, где находилась основная часть брюссельских офисов Евросоюза. Как оказалось, там же, в этом квартале, находилось то высокое здание «Комиссариата» со стеклянным фасадом, к которому не так давно меня подвёз тренер и куда я пошёл сдаваться (просить политическое убежище). В

этот вечер я решил свернуть с привычного пути и пройтись по подворотням – между банками и офисами, которые, как ни странно, были очень слабо освещены. Медленно шагая и о чём-то размышляя, в тени, на углу высотного здания я заметил крепкую фигуру мужчины, сначала не придав этому никакого значения. Но уже подойдя практически вплотную и разглядев всю картину ниже пояса, я, как кузнецик, отпрыгнул с места метра на два в сторону, непроизвольно затаив дыхание и, сделав ещё несколько шагов вперёд, я всё же обернулся, чтобы посмотреть ему или ей в лицо.

Передо мной возникла полная, обрюзгшая бородатая физиономия с наклеенными чёрными ресницами и накрашенными ярко-красной помадой губами. Кожаная мини-юбка вплотную облегла накаченные ягодицы и бёдра, мощная голень выпирала из кружевных чулков, которые заканчивались чуть выше колен, на голове был надет парик, выстриженный под каре. Это было зрелище не для слабонервных. В особенности для нашего брата из постсоветского пространства. И когда это были молодые, худенькие «парни», разодетые и разукрашенные в стиле бурлеск, на это ещё можно было закрыть глаза, но когда по улицам прогуливались крепкие, широкоплечие, накаченные «мужики», на которых были кожаные мини-юбки, кружевные чулки и туфли на высоких каблуках сорок пятого размера, то это уже вызывало, если не презрение, то отвращение. Мне поплохело. В следующий раз я испытал аналогичное чувство, когда первый раз в жизни,

здесь в Брюсселе, зашёл в огромный секс-шоп, где повсюду висели искусственные фалосы и вагины, и ещё куча всякой ерунды, которая непроизвольно вызывала отторжение. Выйдя из подворотни на центральную хорошо освещённую улицу, я решил перевести дыхание от увиденного, а затем поспешил на улицу Красных фонарей, чтобы посмотреть на симпатичных, молодых и не очень дам. Шёл я быстро, и только успевал замечать, что практически на каждом углу в тени стояли подобные фигуры, на которые я уже просто старался не смотреть. Я шёл и думал: все эти неформалы, извращенцы, которые никак не вписывались в моё сознание и понимание, зачем их растит Европа? И если эта же Европа возвращала всё это, лаская и лелея, то что же она рассчитывала получить в конце этого неформального пути? Я шёл и не понимал всего происходящего. У меня возникал ряд вопросов, на которые я не мог дать однозначного ответа. Я остановился на большом перекрёстке, загорелся красный свет. Машин в округе не было, и я решил перейти дорогу. Как вдруг из-за угла с сильным рёвом сирены вылетел полицейский фургон и остановился возле меня. Из него выбежало трое полицейских с оружием, подбежав ко мне и прижав к стене здания, стали обыскивать, хлопая по всему телу. Не найдя ничего, они всё же закрутили мне руки за спину и потащили в фургон. «Вот это поворот – неужели из-за светофора...» – подумал я, улыбаясь. По дороге полицейский спросил у меня паспорт. Я вытащил из внутреннего кармана

мой новый документ и протянул ему. Фургон подъехал к полицейскому участку, меня вывели и повели внутрь. Пройдя через пропускную комнату, мы вошли в серый, но идеально чистый коридор, по обеим сторонам которого, за решётчатыми дверьми были расположены камеры. Все они были полные. Полицейский открыл одну из камер и, сделав жест рукой, мол, заходи, проводил в одну из них, при этом дружелюбно улыбаясь. Я улыбнулся ему в ответ и зашёл внутрь. На бетонной лавке сидели две дамы лёгкого поведения, посмотрев на меня, они мило улыбнулись и что-то заговорили на непонятном мне тогда языке.

Я сел напротив. Это была маленькая серая комната с двумя бетонными лавками по бокам. Прождал я около часа, прежде чем полицейский открыл дверь и позвал меня на выход. Следуя за ним по коридору, он отдал мне мой новый документ и сказал что-то на польском языке, который он, по-видимому, немного знал, я же его не знал вообще, но тем не менее кое-что разобрал. Из его слов я понял, что меня перепутали с преступником, который совершил преступление в этом квартале и пытался скрыться. «Судя по всему, ему это удалось», – с этими мыслями я вышел на улицу. На часах было приблизительно десять вечера. Подходя к воротам Пети Шато, у дороги я увидел знакомых ребят. Они стояли и о чём-то беседовали с водителем белого микроавтобуса, на двери которого виднелась голубая надпись «Our Lord of mercy».

– Роберт, иди сюда быстрее, поедem с нами, – увидев меня, крикнул Женя.

– Куда? – поинтересовался я.

– Да вот какие-то проповедники предлагают вступить к ним в общину или в секту, – улыбаясь, несерьёзно говорил Женя, – обещают разные фрукты и сладости. Поехали!

– Ладно, поехали. Посмотрим на эту общину, – согласился я.

В микроавтобус поместилось человек десять. Я, двое моих знакомых и ещё сборная солянка из нашего лагеря. В пути мы были недолго, не больше 15-ти минут. Мы подъехали к старому, небольшому зданию, с виду похожему на каменный гараж. Выйдя из автобуса, все направились к полуоткрытой двери, откуда виднелся яркий свет. Район был не очень хороший, я это понял из-за его неосвещённости и ямам на дороге, которые явно ощущались минут за пять до нашего прибытия. Зайдя внутрь, я окинул взглядом помещение, в котором, по-видимому, только-только, закончили ремонт. Пахло свежей краской, новизной, а также фруктами и десертами, которые лежали в пластиковых блюдах на двух столах перед «сценой». Никакого возвышения там не было, просто у стены перед столами стояла барабанная установка, электронное пианино, а на стуле рядом лежала гитара. По другую сторону столов в ряд стояли раскладные стулья человек так на тридцать. Водитель зашёл после нас и сказал, что скоро подъедет ещё один микроавтобус и тогда уже все вместе начнём вос-

певать нашего “Lord of mercy” (владыку милосердия), петь и танцевать. «А сейчас, – продолжал он, – все могут кушать фрукты и десерты». Говорил он со всеми на интернациональном английском языке. Из фруктов там были яблоки, мандарины, апельсины, бананы и нарезанный дольками ананас. Рядом лежали десерты: бисквиты, мини круассаны, пончики в шоколаде и разрезанные пополам бельгийские вафли, а также в термосах грелись чай и кофе. Как только водитель вышел, все приехавшие, недолго думая, принялись за сладкий ужин. Хотя в лагере и хорошо кормили, но так как уже был поздний вечер, к тому же большая половина присутствующих была в обкуренном состоянии, все были не прочь налечь на сладкое, уплетая за обе щеки и не беспокоясь о ехавшей следом группе людей. Я взял две половинки бельгийской вафли, засунул в карман банан, налил чай и встал в сторонке наблюдать, как остальные девять человек поглощали всё оставшееся. Через несколько минут я услышал, как затормозил возле двери автобус, издав писк тормозных колодок. Следующая группа людей вошла в зал, когда тарелки были уже пустые. По лицам прибывших сразу было件нятно, что они уже здесь не первый раз. Глаза моментально устремились на пустые тарелки и, созерцая их пустоту, секунду назад улыбочивые выражения лиц стали меняться на кислые гримасы. Мне сразу стало件нятно за какой «верой» приезжают сюда эти «верующие».

– Не волнуйтесь, у нас есть ещё фрукты, – сказала милая

женщина (неизвестно откуда появившись) и, широко улыбаясь, вынесла из соседней комнатки очередные фрукты и десерты.

После того как все насытились, эта же милая дама предложила всем присесть. Взяв микрофон в руки, полилась мелодичная молитва (тоже на английском), которая продолжалась минут 15. Все сидели тихо, не перебивая её. Кто-то крестился, не переставая, кто-то просто сидел, сложив ладони, скрестив пальцы и закрыв глаза, а кто-то все 15 минут сидел и хихикал. Но основная часть людей не придавала всему происходящему никакого значения, сидя и отрешённо кайфуя после выкуренной с марихуаной папиросы и съеденных сладостей. Как только она закончила читать молитву, в дверь вошли трое уже немолодых мужчин и присели за музыкальные инструменты. Зазвучала весёлая музыка. Милая леди стала кружить в танце между стульев, поднимая всех присутствующих и предлагая плясать как попало, выкрикивая при этом такие слова, как Аминь и хвала Господу. Я встал и смотрел на весь этот балаган довольно отрешённо, не принимая участие ни в «хвалебных одах», ни в танцах. Многие делали то же самое. После десятиминутной музыкальной паузы всё та же милая леди взяла небольшой деревянный сосуд в виде кубка и, подходя поочерёдно ко всем любителям халявных сладостей, стала просить пожертвования на развитие их «церкви». Как ни странно, но практически все, кто там находился, а это было человек двадцать, стали копаться

в карманах, доставая кому сколько не жалко, и в то же время, смотря с любопытством, сколько же положил твой сосед. Когда она оказалась возле меня, смотря весёлым, просящим взглядом, я даже обрадовался, что денег у меня, к моему счастью, с собой не оказалось. Я просто мило улыбнулся и развёл руками. Так как если бы у меня были деньги, и чтобы не выглядеть скупым в глазах других, пришлось бы выдать попрошайкам на их «дальнейшее развитие», а потом жалеть об этом.

* * *

В один из вечеров в своей уютной кабинке при тусклом свете ночника я засиделся допоздна, читая и постигая азы французского, и даже не заметил, как быстро пролетело время. На часах было уже около двух часов ночи, как вдруг я услышал громкий вопль, после которого сразу же последовали ещё какие-то непонятные звуки, напоминающие животных: вой волка, крик гиены, рычание льва... исходившие из центрального коридора. Я встал с кровати и решил выйти посмотреть. Открыв дверь и выйдя в коридор, я увидел человека, сидевшего на полу, вокруг него горели чайные свечи, подняв вверх руку, он стал водить горящей зажигалкой вокруг своей головы, продолжая издавать эти странные звуки. Возле него уже стояло несколько человек. И все, кто ещё не спал или проснулись от вопля и этих звуков, выходили в ко-

ридор посмотреть на этого безумца. Близко к нему никто не подходил, все стояли на расстоянии 4–5 метров. Когда я пошёл ближе, то увидел, что в другой руке он держал небольшой столовый тесак, прижав его к груди. Лицо было сложно рассмотреть, в частности глаза, из-за плотной, твидовой панамы на голове, которую он сильно натянул на глаза, из-под панамы выглядывали грязные, слипшиеся, длинные волосы до плеч, а на бороде и щеках виднелась редкая щетина, присущая людям азиатской внешности. Роста он был низкого, среднего телосложения. Одет был, как мне сразу показалось, на английский манер: широкие шерстяные штаны в клетку, тёплая замшевая куртка светло-коричневого цвета и, как я уже сказал, твидовая серая панама. Все в коридоре стояли в ожидании, чем же закончится этот ритуал. Я простоял там минут десять, наблюдая, как этот чудак продолжал водить над головой зажигалкой, выкрикивать разные звуки, имитируя животных и время от времени маша из стороны в сторону своим тесаком. Предположив, что ничего здесь так и не произойдёт, так как этот безумец показался мне на первый взгляд в меру «уравновешенным», я отправился спать. На следующий день я встретил этого же безумца в телевизионном зале, сидевшего в позе лотоса на широком подоконнике, и уже молча, без каких-либо животных звуков, он просто водил вокруг головы горячей зажигалкой «Zippo». В этот раз я уже сумел более подробно рассмотреть его лицо. На вид ему можно было дать лет тридцать, глаза были раскосые, прищу-

ренные и хитрые. К себе он никого не подпускал, ни с кем не говорил, а если кто-то выражал своё недовольство по поводу его звуков, он сразу же хватался за свой тесак, который всегда был за пазухой, и махал им перед лицом возмущавшегося. Все работники лагеря прекрасно знали, что этот «господин» носит тесак за пазухой, но никаких мер по этому поводу никто не предпринимал. Это был не первый сумасшедший, с которым мне пришлось столкнуться, проживая в лагере. Был ещё один, который буквально неделю спустя безумно меня напугал. Утром после завтрака, медленно прохаживаясь по двору лагеря, я услышал как в коридоре кто-то заорал не своим голосом. Я сразу же остановился и посмотрел на коридорную лестницу, выходящую наружу. Через несколько секунд на ней появился с виду ошалевший, дергающийся, как в конвульсиях, африканец. Сбежав с лестницы и смотря вокруг огромными, обезумевшими глазами, он направился в мою сторону. Я опешил, «может, не ко мне», – пронеслось в голове, и обернулся, чтобы посмотреть вокруг, – кроме меня там никого не было. Он шёл ко мне агрессивно и быстро, роста он был высокого, примерно моего. На расстоянии трёх-четырёх метров, не доходя до меня, он вытащил из кармана нож. Дыхание моё остановилось, внутри всё замерло в ожидании атаки, тело автоматически приготовилось к защите. Я отставил правую ногу назад, став немного боком, и приготовился встретить его этой же ногой, чтобы не подпустить вплотную и сбить его прыть, хотя бы на доли секунды, а за-

тем решил действовать по обстоятельствам. На расстоянии вытянутой ноги, к которой приблизился африканец, он резко остановился и, сев на мокрую от моросящего дождя брусчатку, с размаху стал бить себя в живот своим же ножом. Он сидел на земле и, смотря сквозь меня, кричал:

– Je vais me tuer (я себя убью)!

Я перевёл дыхание, принял нормальную, спокойную позу и посмотрел на всё происходящее более осознанно: нож, который он пытался вонзить себе в живот, оказался тупой, да и бил он им не так сильно, как размахивал. Одет он был в чёрные, заношенные брючные штаны и чёрную дерматиновую куртку, которую даже не мог прорезать своим ножом, из-под которой, кстати, после каждого удара доносился странный звук. То ли под курткой была плотная книга, то ли простая разделочная доска. «Ясно! Очередной клоун», – подумал я и направился в телевизионную. После того случая я видел этого африканца за своим любимым занятием ещё несколько раз, проходя мимо и не обращая на него уже никакого внимания. Жители лагеря впоследствии прозвали этих двух неменяемых кадров – Факиром и Самураем.

Время в лагере пролетало незаметно, я не знал ни какое сегодня число, ни месяц, ни день недели. Замечал только то, что меняется погода, а с ней и люди, приходящие и уходящие.

Лагерь служил мостом длиной максимум в один год, дольше там не держали, не считая нескольких исключений. У ко-

го-то этот год прерывался, если же ни в этот, то уже на следующий день, у кого-то – через неделю, ну а те, кто дотягивал до месяца, уже никуда бежать из лагеря не собирались, спокойно ожидая своей участи. Кто-то уходил сам на вольные хлеба, не выдержав здешней обстановки, кто-то менял страну, кто-то возвращался домой, не найдя то, чего искал, кого-то депортировали без его на это согласия, ну, а те, кто шли до конца моста, в большинстве своём получали долгожданную социальную помощь. По большому счёту все проживающие в лагере жили в режиме ожидания, и те немногие, у кого изначальной целью была Европа, а точнее постоянное в ней место жительства, имели только две мечты: первая заключалась в том, чтобы не задерживаться в лагере, а побыстрее сесть на социал; вторая, также немаловажная мечта, заключалась в «позитиве» (положительный ответ на первое интервью, всего их три), дающее право находиться в стране легально и получать социал до окончательного решения по личному делу, и в основном, если первое интервью проходило положительно, то остальные два в большинстве случаев тоже, но, конечно же, бывают и исключения. Впоследствии, если все три интервью проходили успешно, выдавали вид на жительство, с которым можно было путешествовать, легально работать и учиться. А по истечению ещё нескольких лет можно было подавать документы на гражданство. Если же все три интервью проходили негативно, это ещё не являлось концом пути, можно было перевести своё дело в

другую «независимую» организацию, попросив гуманитарную помощь – «гуманитарка», и уже ждать окончательного решения, которое могло затянуться от двух до семи лет; но при этом всё же оставаться в стране в легальном положении, поддерживаемым государством. Дальше уже оставалось дело времени, случая и везения – могут оставить, а могут попросту в любой момент депортировать. Так случилось и с моим новым другом, с которым мы познакомились в лагере в тот момент отчаяния, когда он был в шаге от самоубийства.

В один из осенних пасмурных дней, возвращаясь с вечерней прогулки, в коридоре я встретил соседа по комнате, мужчину средних лет, из Армении. Он остановил меня и сказал:

– Роберт, там у нас новенький, тоже из наших... он совсем плох... Ни с кем не хочет говорить, плачет. Попробуй поговори с ним, успокой.

– Попробую, – ответил я.

Изучив уже немного здешнюю обстановку и лично наблюдая за попытками других людей покончить с собой, я потопился. Вошёл тихо и сразу услышал, как кто-то всхлипывал в дальнем правом углу, видимо, от плача. В голове сразу промелькнул эпизод двухдневной давности, случайно увиденный мной ночью в коридоре. Возвращаясь как-то из телевизионки к себе в комнату поздней ночью, я увидел, как один парень с криком выбежал из соседней комнаты в коридор и, разбив головой оконное стекло, выпрыгнул вниз с третьего этажа (к счастью, остался жив). Также несколько раз

мне приходилось видеть, как скорая увозила людей с перерезанными венами. Временами можно было слышать душераздирающие крики по ночам, люди теряли контроль над собой. Разные вещи происходили с людьми в минуты отчаяния. Морально некоторые были совсем не готовы к таким условиям и переменам. К таким людям относился и Юрий – молодой человек, которого я увидел, войдя в кабинку. Он посмотрел на меня красными, заплаканными, печальными глазами, но прогонять не стал. Я зашёл и сел на подоконник. Передо мной был уже не юный паренёк, а вполне зрелый молодой мужчина лет тридцати, с уже появившимися морщинами на лице и сединой в волосах, и в то же время плачущий, как ребёнок. На самом деле он и выглядел, как взрослый ребёнок. Маленькая кудрявая голова, маленькие чёрные глаза и курносый нос. Ростом он был выше среднего. Узкоплеч и худоват. Манера разговора напоминала зазнавшегося, избалованного мальчика из хорошей семьи, который при разговоре приподнимал вверх подбородок, чтобы придать себе больше значимости. У меня манера его разговора впоследствии всегда вызывала улыбку. И в то же время он был совершенно безобиден, в меру религиозен и немного чудаковат.

– Роберт, – представился я, протягивая руку.

– Юра, – ответил он, пожимая её, и сразу же спросил: – Ты давно здесь, в этом лагере?

– Не так давно, – ответил я с лёгкостью и улыбаясь, глядя ему прямо в глаза, специально, чтобы Юра мог видеть мою

улыбку и почувствовать себя более расслабленно, – что же тебя так расстроило, если не секрет, конечно? – спросил я его всё с той же лёгкостью, стараясь не придавать серьёзности нашему разговору.

Юра посмотрел на меня и взбудоражено произнёс:

– Да как вообще можно здесь находиться в таких условиях?! Это же полный мрак... Ужас! Не успел я зайти в лагерь, как уже на пороге повстречал настоящих сумасшедших... К тому же это серое здание... эти кабинки в комнате... это же настоящая тюрьма! – он взялся руками за голову и слёзы опять накатились на его глазах.

– Юра, – спокойно начал я, – здесь не всё так плохо, как может показаться на первый взгляд. Ты, вероятно, уже успел встретить местных клоунов? Они и в самом деле могут перепугать кого угодно, но это только если их не знать, – я вспомнил про Факира и Самурая и улыбнулся.

Юра посмотрел на меня в недоумении.

– Один рычал и махал зажигалкой, а второй пытался сделать себе харакири. – Этих кадров ты уже успел повстречать? – спросил я его, улыбаясь.

– Да! – резко ответил он, – именно их я и видел сегодня. Одного в столовой, а другого в телевизионке.

– Но на них не нужно обращать внимания, они безобидные и, скорее всего, просто играют свою роль, пытаясь обратить на себя внимание соцработников. Пойми, система здесь так устроена. Если у тебя не всё в порядке с «кукушкой», –

я сделал паузу и ткнул указательным пальцем на голову, – и тебе поверили местные соцработники, ты очень быстро можешь продвинуться по иммиграционной лестнице: быстро получить социальные деньги, квартиру, все льготы и вид на жительство, соответственно, всё это без трафика. Понимаешь? – усмехаясь, сказал я.

Мне показалось, что он меня не слушал. Юра сидел на кровати, держался руками за голову, опустив её практически между колен, и бормотал негромко:

– Ну почему мне так не везёт?

– Юра, перестань, – я стал дальше успокаивать его.

Объяснил, что здесь вполне сносно, что нужно дать себе немного времени, раззнакомиться с разными людьми.

– Здесь есть неплохие ребята, они в меньшинстве, но они есть, и я тебя с ними познакомлю. Я покажу тебе лагерь с другой стороны! Тем более, что из него свободный как выход, так и вход (для обитателей), и тебя здесь никто насильно не держит. Я покажу тебе город и его достопримечательности.

Пока я говорил, всё время наблюдал за его реакцией, и к большому счастью, он становился чуточку расслабленней и спокойней, даже слегка улыбнулся несколько раз. После того как я закончил, Юра, посмотрев на меня уже абсолютно спокойным и где-то даже уверенным взглядом, сказал:

– Роберт, а я ведь уже планировал покончить жизнь самоубийством этой ночью. Хотел удавиться на собственном

ремне.

Возникла небольшая пауза, которую я быстро попытался прервать:

– Из-за этого лагеря?! Из-за того, что тебе здесь так не понравилось?! – спросил я, немного усмехнувшись.

– Не только... Лагерь и его обитатели, конечно же, сыграли свою роль, но есть ещё кое-что... – Юрий замолчал. Через несколько секунд молчания он опять заговорил: – В большей степени те события, которые произошли со мной за последние четыре дня... мне до сих пор сложно это пережить... переварить... Я весь, как в тумане... – посидев минуту в тишине, он снова продолжил: – Роберт, наверное, не зря я тебя встретил.

– Конечно не зря! – сказал я в ответ с энтузиазмом и хлопнул его по плечу, давая понять, что он теперь не один, что у него теперь есть, если не близкий друг, то товарищ, который всегда сможет поддержать.

– Юра, ты пойми, человек не должен бояться жить и опускать руки так, как это делаешь сейчас ты. Ведь это же глупо покончить жизнь самоубийством, тем более в твоём-то возрасте. Кому ты сделаешь хуже? Только себе, не успев насладиться жизнью сполна, с её красками, как весёлыми – яркими, так и серыми – печальными, из за которых не стоит впадать в крайности... – я не успел закончить, как он перебил меня.

– Так в том-то и дело, Роберт, что я как раз и начал это

делать, начал жить как человек, наслаждаться и радоваться жизни каждый день, но обстоятельства прервали этот удивительный процесс наслаждения! – возбужденно сказал Юра и опять поник головой.

– Ты не хочешь рассказать, что произошло с тобой за эти четыре дня? – поинтересовался я.

По большому счёту я интересовался не из любопытства, мне хотелось знать, насколько всё серьёзно или нет. И что от него можно было ожидать в дальнейшем. Видно было, что он не очень хотел рассказывать – от недоверия, конечно же, ведь знал он меня каких-то пять минут, но всё же, выдержав небольшую паузу, Юра решил рассказать:

– Всё началось с того, что четыре года назад я прилетел в Канаду. И мне сразу до безумия понравилась эта страна! Так сильно, что я без малейших колебаний захотел остаться в ней навсегда. Моя виза закончилась через две недели и мне ничего другого не оставалось делать, как попросить политическое убежище. Что я и сделал. Приняли меня очень хорошо. Поверь! Всё было гораздо цивилизованней, чем здесь, в «Европе» – сказал он с сарказмом, – там не было никаких лагерей... Мне сразу дали социальную помощь, я нашёл прекрасную квартиру, завёл друзей и всё шло ровно и спокойно. За эти четыре года я чувствовал себя там, как дома. Покупал красивые вещи, хорошую дорогую аудио и видеотехнику. Другими словами, создавал себе уют, – остановился Юра и взгрустнул.

На протяжении всего своего рассказа он улыбался, смеялся, а также грустил. Всё, что с ним происходило, он описывал настолько эмоционально, что даже я на время представил себя в Канаде на его месте. Он рассказывал про красивые живописные места, где он успел побывать, про водопады, горы, парки и необъятные леса.

– И вот в один из выходных дней, – продолжил Юра, – я лежал дома и отсыпался. В квартиру постучали. Я встал с кровати, набросил халат и пошёл к двери. «Кто там?» – спросил я. С другой стороны сказали, что это полиция. Бояться мне было нечего, человек я всегда был богобоязненный и законопослушный. Поэтому открыл.

Зашли двое полицейских и сразу же без разговора надели мне наручники и попросили поехать с ними. Объяснив это тем, что из иммиграционного департамента получили указание на мой арест в связи с депортацией. Сказали взять всё необходимое и следовать за ними. Я успел взять только паспорт и кое-какую одежду. И так как я летел в Канаду через Бельгию, в Брюсселе я провёл несколько дней, они это пробили и после двух дней в канадской тюрьме меня посадили в самолёт, летевший обратно в Брюссель. И только в самолёте я стал осознавать всё произошедшее. Сколько всего я потерял... Я понял, что вся моя мечта после четырёх прекрасных лет разрушена, – Юра опять загрустил. Потом посмотрел на меня и продолжил:

– Два дня в тюрьме Торонто, которая, кстати, лучше, чем

Пети Шато, поверь! День в самолёте и день в аду! Да, да! Этот ваш Пети Шато – сущий ад! Вот и получилось четыре дня мучений. И я не знаю, что меня ещё здесь ждёт? – парень опять постепенно стал впадать в депрессию.

Я непроизвольно вспомнил про дядю Валеру, с которым познакомился на днях и к которому бегала вся молодёжь в лагере в поисках мудрого совета. Прикинув, что дядя Валера мозги Юре вправит лучше, чем я, используя массу научных фактов и жизненных примеров, я решил незамедлительно их познакомить. Ведь я сделал всё, что было в моих силах. Но в таком состоянии, в котором он сейчас пребывал, я не хотел бы его оставлять.

– Ладно, пойдём, я тебя познакомлю с дядей Валерой, я уверен, вы найдёте общий язык.

Дядя Валера и его семья жили в крыле для семейных. У них была полноценная однокомнатная квартира. Дяде Валере (как мы его называли) было лет пятьдесят, роста он был среднего, жилистый-коренастый, коротко стриженный. Он всегда ходил в очках хамелеонах, которые в зависимости от дневного света меняли цвет линз. С понятиями у дяди Валеры было всё хорошо, ведь шесть лет из своих пятидесяти он провёл в местах не столь отдалённых. Дядя Валера, насколько я его знал, был рассудительным, смелым и совершенно не глупым человеком. Бывая несколько раз у него в комнате, я с восторгом наблюдал количество литературы, которая аккуратно была распределена по всей маленькой комнате.

На одном только небольшом столе, за которым он проводил всё своё время, возвышались десятки книг. Он одновременно учил два языка – французский и фламандский. Жене его было около тридцати пяти, но выглядела она гораздо старше из-за своего пристрастия к алкоголю в прошлом, от которого он её отучал. Дядя Валера не пил вообще. У них было двое детей: мальчик лет семи и девочка четырёх лет, которая всё время болела. Большую часть времени дядя Валера проводил «дома» и лишь изредка выходил покурить в телевизионную комнату, куда и я обычно заходил после вечерней прогулки. Юра не сопротивлялся, ничего не говорил, он поднялся с кровати, набросил куртку, потёр несколько раз ладонями лицо, придав ему более свежий вид, и собрался следовать за мной. Случилось так, как я и предполагал. На следующее утро после дяди Валериной промывки Юра уже был как новенький. Во время завтрака он шутил и держался гораздо уверенней, чем прошлым вечером. Также Юра мне поведал, что свободно говорит по-французски, что за четыре года проживания в Канаде успел достойно им овладеть. И так как мы жили во французской части Бельгии, и я уже начал ходить на начальные курсы в лагере (их проводили студенты два раза в неделю), дополнительные занятия, подумал я, лишними никогда не будут. В Брюсселе, как и во всей Бельгии, в обиходе было два языка – французский и фламандский, но французский превалировал. Мы договорились с Юрой, что он будет приходить ко мне два или три раза

в неделю и помогать с французским. То же самое они делали и с дядей Валерой, только гораздо чаще. Им было о чём поговорить. Занимались мы регулярно в течение нескольких месяцев. Мой разговорный французский значительно улучшился за это время, хотя языки давались нелегко. Одним ранним утром меня разбудил Франк (соцработник) и предложил пойти в школу, где, как он сказал, учатся молодые ребята от 16 до 22 лет. Сказал также, что это не обязательно, но желательно. Первая моя реакция была категорически нет! Ведь школу я ненавидел ещё с детства. Одно только слово «школа» вызывало у меня неприязнь и отторжение. Франк сказал, чтобы я подумал, и если всё-таки решу ходить, они собираются ежедневно, кроме выходных, в 8.30 утра у ворот. Я думал целый день над этим предложением, пытаюсь мыслить логически, отталкиваясь от сегодняшних реалий. «Всё-таки это Европа, – думал я, – к тому же Франк сказал, что никаких обязательств. Почему бы и не попробовать, ведь опыт европейской школы мне не повредит. Схожу на несколько занятий, а там видно будет». На следующее утро я вышел к воротам, где уже стоял Франк и несколько молодых ребят из лагеря. Подождав ещё несколько минут, мы пошли в соседний район. Подойдя к школе, я был шокирован от увиденного: это было старое, изношенное и, вероятно, в прошлом заброшенное здание, обнесённое высоким трёхметровым железным забором с заострёнными наконечниками в виде копий. Калитка в этом заборе, которую закрыва-

ют ровно в девять утра, была на кодовом замке и никто не мог ни зайти, ни выйти до двух часов дня. На окнах висели железные ржавые решётки. Франк развёл нас по классам и сразу же ушёл. Я зашёл в класс: это была унылая, обшарпанная комната тёмно-коричневого цвета, в которой не хватало света и кислорода; столы и лавки возле них были расставлены хаотично. Мне сразу стало не по себе, в груди сдавило – захотелось вырваться отсюда и убежать как можно быстрее и подальше. В классе сидели только беженцы и переселенцы из стран арабского мира, в основном из Марокко. Я зашёл и сел возле открытого окна. Посмотрев вокруг с третьего этажа через ржавую решётку европейской школы для беженцев, я сразу вспомнил наши школы: чистые и светлые, просторные классы с большими окнами, на подоконниках которых стояли горшки с цветами, а за окнами росли молодые деревья, шелест листвы которых при малейшем дуновении ветра всегда завораживал и привлекал внимание, одновременно отвлекая от занятий; на стенах висели портреты писателей и учёных. И хотя я не переносил учёбу, но нахождение в чистом, просторном и светлом классе кардинально отличалось от того, что я видел сейчас.

Пока я сравнивал и вспоминал, в класс вошла учительница, которая опоздала на полчаса.

Это была молодая девушка, бельгийка, лет двадцати пяти, среднего роста, пышных форм, в глазах у неё горел огонёк задора и радости. Зайдя в класс и поздоровавшись со

всеми, она сразу взяла мел и стала что-то писать на доске и объяснять, но из-за шума ничего не было слышно. В «классе» находился человек пятнадцать, все громко разговаривали, смеялись, занимались каждый своим делом, как будто никакой учительницы там и не было. Она себе тихонько, улыбаясь (по-европейски), вела урок, а «ученики» занимались кто чем. Девушка, конечно же, делала замечания время от времени, но безрезультатно. «Да... – подумал я, – им бы наши чистые, светлые классы и открытые школы, а нам нужно позаимствовать их систему и тактику ненавязчивого, легко преподносимого преподавательского искусства и свободы, которая позволялась ученикам». Только не той свободы, которую я сидел и наблюдал в данный момент. Нужна была свобода в общении с преподавателем и непринуждённость. Где преподаватель не босс, а друг. Я уверен, что в Европе, в частности в Брюсселе, конечно же, есть прекрасные школы с просторными, светлыми и чистыми классами, но, вероятно, не для беженцев.

Когда «ученики» просто сидели и курили, это было только полбеда, но когда они стали забивать в сигареты гашиш и курить его, не выходя из класса, попросив меня при этом освободить место у окна, мне поплохело – не из-за дыма, нет, а из-за самой атмосферы, которая была в этом классе, в этой школе. Я никогда не считал себя прилежным учеником, но и свиньёй никогда не был. Я встал и, ничего не говоря, покинул класс, выйдя на улицу.

Недолго думая, я подошёл к забору, залез сначала на калитку, поставив ногу на дверную ручку, снял свою кожаную куртку и накинул её на конёчники забора, перелез через него, аккуратно спустившись с другой стороны. Надев куртку, которая, к моему счастью, не порвалась, я поспешил прогуляться по более знакомым и приятным глазу местам. Но я больше чем уверен в том, что будь эта школа чистая, светлая, опрятная, с прилежными учениками, с таким же милым, улыбчивым учителем, который не требует, а просто дружелюбно ведёт урок, я бы продолжил ходить туда, ведь там преподавали не только французский язык, там были такие предметы, как история, география, биология, математика и ещё разные предметы, связанные с искусством и культурой. Однако после всего увиденного это было моё первое и последнее посещение государственной школы для беженцев.

Я шёл и думал: вот тебе и будущее Европы! Ещё лет десять и её будет не узнать. Я вздохнул с сожалением. Варвары есть варвары! Им предоставляют всё! Вот тебе учеба и образование, вот тебе наука и знания, вот тебе культура и цивилизация, вот тебе искусство и просвещение. Но нет! Они тебе кукиш в ответ! Здесь или созидание, или разрушение. Другого не дано. И, быть может, мизерный процент из всех мигрантов, беженцев и переселенцев внимет предлагаемую им культуру, но этот процент уже никаким образом не спасёт грядущий крах европейской цивилизации, которая сама себе устроила это испытание. К тому же это из-

девательское слово «толерантность» – терпимость! К чему? Или к кому? Ко мне или таким, как я?! Ко всем беженцам из Восточной Европы это уродливое слово точно не применимо. Его применяют только к дикарям, которых миллионы сейчас по всей Европе, и что они там делают? Один деструктив! Толерантность применяют к тем, кто грабит и убивает, насилует и разрушает, к тем, кто пропагандирует извращенство. Ведь быть толерантным к кому бы то ни было – это значит, что те, к кому направлена толерантность, были уже унижены, оскорблены, а теперь они (правительство) хотят, чтобы за их прошлые ошибки отдувалось всё общество, говоря: «Мы к вам толерантны – терпимы, а вы теперь в праве делать всё, что заблагорассудится!» Я не против гуманизма, но он определённо не применим к дикарям и варварам. И, приглашая их в Европу, что же ещё можно было от них ожидать?! Этим словом «толерантность» пресловутая европейская цивилизация выказывает только превосходство над всеми, кого они сами же приглашают к себе, давая впоследствии квартиры и денежные пособия, которые, естественно, отбивают желание бороться и зарабатывать себе самому на кусок хлеба, без какой-либо государственной помощи, а соответственно, и развиваться, делая хоть какой-то вклад, как в своё личное, так и в развитие той страны, которая их приняла. От этого вся Европа атрофировалась, не получилось у них быть добрыми, гуманными и справедливыми одновременно. А что касается нашего постсоветского брата, то они

с первых же дней, независимо от того получили они социал или нет, ищут чем бы себя занять. Я не в коей мере не защищаю тунеядцев, грабителей, насильников и всю остальную мерзость. Я говорю про здравомыслящих, ответственных людей из постсоветского пространства, которых я встречал, и их оказывалось явное большинство. Никто не хочет сидеть дома и постепенно тупеть, как это делают мигрирующие в Европу массы из других частей света, а также индейские племена в Америке, сидящие годами на пособиях в резервациях, и пропивая, и прокуривая свою в прошлом пресловутую смекалку и доблесть, о независимости, я промолчу. Это долгая и больная тема, особенно для той части европейцев, которые осознают тотальный развал всего того, что создавалось столетиями. Начиная от искусства, музыки, архитектуры и заканчивая сегодняшними новейшими инновациями. Получается, всё, что было создано невероятным трудом, – всё растоптано. Я шёл, думал об этом и не мог разложить всё по полочкам. Меня тревожило несколько вопросов: почему европейское государство всё это не останавливает? Зачем им эти нецивилизованные, отставшие племена? Ведь им никогда не стать Европейцами (с большой буквы), а Европейцам их никогда не принять. Остаётся только надуманная толерантность по отношению к ним и ничего более. С этими мыслями я подошёл к парку «Пятидесятилетия» (Parc du Cinquantenaire), где издалека уже красовалась массивная, величественная, триумфальная арка, неподалёку от которой

я присаживался на скамейку среди высоких буков и платанов и слушал шелест листвы и пенье птиц, которые с ветром развивали все клубящиеся мысли, наслаждался её величием.

* * *

Спустя три-четыре недели, проснувшись, как обычно, около восьми утра, я решил провести своих старых – новых знакомых. Хоть и жили мы в одной комнате, но виделись очень редко. Они часто пропадали на несколько дней и всячески старались меня избегать. Сначала я зашёл к Армену – его в кабине не оказалось и вещей тоже не было: открытый железный шкаф был пуст, кровать – без постельного белья. Потом я зашёл к Сергею, он спал. Спящий человек... такой умиротворённый, безобидный, беспомощный. Даже как-то жалко его стало. Я присел на стул и потряс его за плечо. Сергей открыл глаза и приподнялся. Говорить он начал тихо и испуганно, по-видимому, подумав, что сейчас будут бить. Говорил он шёпотом, что, конечно же, было мне на руку, дабы не разбудить Мишу, спящего через две кабинки – мог смыться в любой момент. Я ничего не говорил, просто смотрел на испуганного Сергея. Он сам сказал, что помнит про деньги и что в ближайшее время отдаст. Сказал также, что устроился на работу и деньги пообещал отдать через две недели. То, что они работают, я уже знал, так как Руслан мне успел рассказать об этом. Руслан был в курсе, что Сергей мне

должен деньги, также как и Миша с Арменом, поэтому, рассказав мне про их работу, он дал понять, что деньги у Сергея скоро появятся. Они работали вместе – упаковывали и разносили рекламные брошюры. Я спросил Сергея за Армена, куда он пропал? Он сообщил, что его пробили по отпечаткам пальцев и узнали, что он уже просил убежище в другой стране, после чего депортировали назад в Германию. Сергея рано или поздно ждала та же участь.

– Хорошо, – сказал я ему, – через две недели, да?

– Да, – уверенно заявил он.

– А что там Миша... при деньгах? – спросил я его уходя.

Я догадывался, что у Миши водились деньги, так как при последней нашей беседе несколько дней назад он был под сильным действием кокаина, но всё же рассказывал мне в очередной раз, что денег у него нет. Сергею не было смысла его выгораживать, так как одному возвращать долг не хотелось.

– Да, при деньгах! – резво выпалил Сергей, – к нему приезжала сестра и привезла деньги.

Я зашёл к Мише, зная что он у себя, так как слышал утром его храп. По всей кабинке валялись обрывки туалетной бумаги. Все свои деньги Миша тратил на кокаин. «Прекрасная жизнь!» – саркастически сказал я про себя. На стуле лежала мобилка, будить его я не захотел, так как знал, что он начнёт плакаться и рассказывать о своей нелёгкой жизни. Я взял мобилку и вышел.

– Серёга! – крикнул я громко, выходя из комнаты, – скажешь Мише, что я забрал мобилку попользоваться. И если он захочет выкупить её у меня, пусть приходит в игровую. Я буду там.

– Хорошо, – ответил Сергей, – передам.

Я вышел из комнаты и направился в игровую, где сегодня проходил шахматный турнир – играл мой друг Александр Иванов. Мы познакомились с Сашей при необычных обстоятельствах, которые сблизили нас как двух близких по духу людей.

* * *

Неделю назад я, как обычно, сидел в телевизионной комнате и смотрел какой-то фильм, помимо меня в зале сидело ещё несколько человек. В дверь вошёл маленький коренастый паренёк в кожаной байкерской куртке и в ботинках на высокой подошве и уверенно пошёл в моём направлении. Подойдя практически вплотную, он кивнул головой, как бы показывая, что я сижу на его месте. По-русски он не говорил, по-французски тоже, да и разговаривать с таким типом я не собирался. Я посмотрел сначала вокруг, затем на него и также сделал жест головой и глазами, что, мол, в зале полно свободного места, занимай любое. Он мой жест понял, но отступать уже не собирался и как бы несильно толкнул меня в плечо. Я, не вставая, толкнул его в грудь, но посильней,

от чего он сделал шаг назад. Посмотрев на меня с неприязнью, он развернулся и вышел из зала. Вернулся обратно через несколько минут, но уже не один, а с двумя высокими и крепкими парнями. За этого коротышку я не переживал, а вот с остальными двумя будет посложнее, думал я тогда, пробуя в это время на прочность ручку железного стула, которая, к счастью, шаталась под правой рукой. Маленький крепыш быстро и агрессивно пошёл на меня, когда он приблизился на расстояние вытянутой руки, я, не вставая, толкнул его так, что он перелетел через ряд (стулья в зале шли рядами, всего было пять рядов, все они были привинчены к полу), двое других резко двинулись на меня. Вставая, я вырвал ручку стула и с размаху попал по голове первому приближающемуся, он присел, второй сзади как бы остановился в ряду за ним, а маленький – поднялся и прыгнул на меня с другого ряда, пытаюсь ударить кулаком, я увернулся и, схватив за куртку, швырнул его об стенку. В это время в зал вошёл парень. Увидев эту картину, он схватил последнего за руку, когда тот перелезал через ряд, пытаюсь подойти ко мне сбоку, и сказал ему несколько слов на английском. Тот остепенился и крикнул что-то остальным на непонятном мне языке, после чего они сразу, не говоря ни слова, ушли из зала.

Передо мной стоял молодой человек лет тридцати, европейской внешности. Хорошо и опрятно одетый, с аккуратной прической, среднего роста, сбитого телосложения. Взгляд у

него был спокойный и уверенный. Он подошёл и, протянув руку, представился:

– Александр Иванов.

– Роберт, – сказал я, пожимая руку.

– Я знаю, как тебя зовут! Когда проживёшь здесь полгода, как я, будешь тоже всех знать, особенно русскоязычных, – ответил Александр, улыбаясь.

– Что ты им сказал? – поинтересовался я.

– Я вообще-то знаю этих ребят, мы заселились примерно в одно время. Сказал, что очень хорошо знаю несколько человек из их компании, которые стоят у них во главе и, соответственно, в авторитете. У нас были общие дела одно время. Это беженцы из Косово, их здесь пруд-пруди сейчас, из-за конфликта в их стране, – добавил парень.

– Ну, это не повод просить уступить место в пустом зале, – недоумевал я.

– Они тебя не тронут, не переживай.

– Я не переживаю.

– Я вижу! – сказал Саша, смотря на ручку от стула, которую я бросил на пол прежде, чем поздороваться, – наверное, не впервой?! – продолжил он, всё также улыбаясь.

Мы вместе усмехнулись и вышли на улицу, где стояла красивая золотая осень. В лагере Сашу я встречал нечасто. Я знал, что у него в Брюсселе много знакомых уже на квартире, поэтому он мог находиться там неделями. Но когда мы встречались, могли беседовать часами. Он рассказывал

мне, как путешествовал, не имея вообще никаких документов, как ему приходилось пересекать границы разных стран, как его ловили и сажали в камеры — сначала в одной, а затем в другой стране. Рассказывал, как однажды он сбежал из полицейского участка в Швейцарии и как ему приходилось скрываться какое-то время; и чтобы его не опознали на вокзале при переезде из Швейцарии в Германию, ему пришлось клеить усы, которые он сделал сам из своих же волос. Саша был стратегического ума человек, расчётлив и аккуратен. Временами в моменты нашего общения он напоминал мне коршуна, который всегда сфокусирован, выдержан и никогда не делает опрометчивых как решений, так и движений, не говоря уже о словах. В одном из наших разговоров Саша рассказал, что время от времени занимается ворованными автомобилями, так он и познакомился с «боссами» из Косово. Он был достаточно откровенен со мной и это было приятно, так как в полном доверии друг к другу, помощи, и поддержке рождается дружба. Несколько раз я просил его взять меня с собой «на дело», я знал, что это не составило бы ему ни малейшего труда, даже наоборот, была бы помощь, но он всегда улыбался и говорил:

– Нет, Роби, это не твоё.

Порой он просто приходил в лагерь, чтобы поиграть в шахматы, это была его слабость, он мог играть сутки напролёт, зная наизусть массу партий и ходов, тем более что здесь было несколько достойных игроков, с кем он время от вре-

мении устраивал турниры. Вот на один из таких турниров я и спешил сейчас, идя быстро по коридору и засовывая взятый у Миши мобильник (купленный на мои деньги) себе в карман. Шахматный турнир пришло посмотреть очень много желающих – зал был полон. Саша Иванов и его хороший знакомый Златан, парень из Хорватии, как и ожидалось, прошли в финал и уже сидели за столом в ожидании начала финальной партии. Во время игры я стоял возле стола и наблюдал. Как вдруг в зал забежал Миша с красными глазами и растерянным взглядом, обнаружив меня, он сразу же пошёл в моём направлении. От одного лишь взгляда на него я даже улыбнулся, «пришёл телефон кланчить», – промелькнуло в мыслях.

Он подошёл ко мне и, не обращая внимания на толпу людей, начал говорить дрожащим, просящим голосом:

– Роби... плиз, отдай мне телефон. Мне он очень нужен. Я не могу без него...

– Сколько ты мне денег должен, Миша? – спросил я его.

– Сто баксов, – сказал он понуро, – но я отдам! Клянусь, отдам... У меня сейчас нет денег, я всё что было спустил на кокаин, – говорил он, не стесняясь, в присутствии остальных.

– Давай ты сначала принесёшь сто баксов, тогда я отдам тебе телефон. Идёт?

– Роби... пожалуйста! – на глазах у него выступили слёзы, – мне мама будет звонить... я не могу пропустить этот

звонок, – говорил он почти плачущим голосом. Выглядел он очень жалко, руки тряслись, а на лбу выступили капли пота. Затем он всё также, не обращая никакого внимания на всех присутствующих, произнёс пренеприятнейшую фразу: – Ну хочешь, я на колени встану!

Я подошёл к нему и, взяв под руку, вывел из зала на улицу. – Миша, этот цирк был не уместен. Телефон я тебе не отдам. Но если мама позвонит – я тебя окликну.

Миша ушёл. Ровно через два дня в лагере его уже не было.

* * *

Знакомств в лагере или же за его пределами случалось огромное множество, и практически с каждым знакомством происходила своего рода история. Временами это были мимолётные знакомства, этого человека я потом больше никогда не видел, порой были долгие и дружественные знакомства, продолжавшиеся долгое время и даже по сей день. Так, вероятно, у всех и происходит, особенно в такой ситуации, как здесь, когда вокруг сотни разных людей, и все ищут себе подобных или близких по духу. Люди встречались очень разные, знакомился я со многими, а вот дружил – с единицами. Просто Бельгия со всеми её лагерями служила перевалочным пунктом, который многие беженцы использовали для переезда в другие страны ближнего и дальнего зарубежья, такие как Германия, Голландия, Франция, Швейцария,

Англия, Ирландия и даже Канада. Ехали, конечно же, и в другие страны Европы, но уже в меньшинстве своём. И люди в основном по природе своей суеверны, поэтому если кто-то и планировал куда-то переехать, то об этом, как правило, никто никому не говорил. Об этом можно было узнать лишь через некоторое время от общих знакомых.

* * *

Прогуливаясь как-то по двору лагеря и наблюдая за играющими в песочнице детьми, я не заметил, как сзади ко мне подошёл охранник Пети Шато – Питер, – с которым мы уже были, можно так сказать, как хорошие знакомые; он сказал, что ему нужна моя помощь и попросил пройти с ним на пропускной пункт, чтобы перевести с французского на русский. Там стояло двое мужчин: один – высокий, коренастый, спортивного телосложения с короткой стрижкой, острым носом и тонкими усиками над губой; другой – низкий, с хитрым взглядом, помятый мужчина, тоже с усами, но уже с обычными, пышными, лет так по 35–36 каждому. Мы поздоровались. Тот, что был повыше, сказал на весёлый манер:

– Ну наконец-то! Хоть кто-то здесь говорит по-русски! А то нам этот чурка вообще не может ничего объяснить.

Я, ничего не говоря, улыбнулся. Высокий весельчак представился Димой, а его невысокий помятый друг – Вовой. Я перевёл им всё, что попросил Питер, но так как уже был

поздний вечер и соцработников не было, Питер попросил провести им небольшой тур по лагерю и показать комнату, где они проведут «лучшие годы своей жизни», как он выразился, улыбаясь. Мне было абсолютно несложно сделать это. Дима был своего рода оптимистом, Вова же абсолютная ему противоположность, он всегда во всём сомневался и на рожон никогда бы не полез, в отличие от Димы. Они сказали, что приехали с Литвы, что меня, конечно же, удивило. Литва уже не считалась Совком, и мы, выходцы из постсоветских стран, воспринимали Литву уже как часть Европы. Но Дима с Вовой утверждали, что там не всё так хорошо, как кажется. Наверное, им видней.

Поселили их в соседней комнате.

– Ну что, ребятки! А теперь надо это дело обмыть! – задорно произнёс Дима и, громко хлопнув, потёр друг о друга большие ладони; вытащив из штанов бутылку виски, поставил на стул.

– Где стаканы? – спросил он достаточно громко.

После того как Дима вытащил бутылку, Володя поменялся в лице, уж больно он был скуп, как я заметил, даже до чужого добра.

– У меня есть два стакана, – слышался голос из соседней кабины.

Это был наш новый жилец – Петя Киевский, которого поселили к нам в комнату буквально на днях. Он также, как и многие здесь, страдая от неоправданных ожиданий, нахо-

дился в депрессии. Ему кто-то сказал, что, приехав в Брюссель, он не успеет даже выйти из автобуса, как его уже будут ждать работодатели, предлагая любую работу, и за большие деньги. Поэтому его ожидания в первый же день найти работу не оправдались. От этого он и сидел в своей кабинке безвылазно, уже несколько дней. Но это было ещё не всё. На следующий день после своего приезда Петя пошёл прогуляться и, зайдя в один из костёлов, познакомился там с поляком Павлом («они нашли друг друга»), который пообещал ему работу в автомастерской, при этом взяв с Пети сто долларов – как бы аванс за помощь. Помощи, конечно же, никакой не последовало. Поэтому Петя сидел у себя в кабинке и носа не высовывал – страдал, одним словом.

– Неси свои стаканы и сам заходи, всем хватит! – сказал громким и звонким голосом Дима. Петя Киевский зашёл и поставил на кровать две кружки из столовой. Я сходил к себе и принёс ещё одну. Одной кружки не хватало.

– Ничего, поделимся, – сказал Дима, разливая виски.

Петя Киевский был маленького роста, лет двадцати пяти, среднего телосложения, у него были большими карие глаза, широкий нос картошкой, большие уши, которые он прятал под кепкой, натянув её сверху, а завершал всю картину, по-видимому, недавно выбитый передний зуб. Стоило ему улыбнуться или начать говорить, и вся эта общая картина его образа у всех вызывала улыбку, иногда даже смех. Пете самому это определённо нравилось, что он производит впе-

чатление... пусть даже и таким образом. Дима был на позитиве, всех подбадривал и много шутил, Володя же больше умничал и всё поглядывал на испаряющуюся на глазах бутылку виски, из-за этого на лице у него прослеживалось явное недовольство и сожаление. Мне показалось, что я даже прочитал его мысли в тот момент: «Было бы гораздо лучше, если бы мы распили её вдвоём с Димой, а так, ни туда, ни сюда». Петя Киевский рассказывал: что он автомеханик от «бога», что в Киеве он работал подмастерьем в одной автомастерской, и знает, как поменять масло, колодки и даже свечи. В Европу поехал, соответственно, чтобы заработать и впоследствии открыть свою автомастерскую в Киеве.

Володя рассказывал, как он последние два года проработал в Израиле на стройке, но, услышав от знакомых о том, что в Европе можно жить на халяву, всё бросил (и Израиль, и семью в Литве) и напрямик сюда, жить в своё удовольствие...

Дима тоже оставил в Литве семью, но в отличие от Вовы приехал уже на работу, как он сам утверждал. Дима обладал хорошим чувством юмора и много шутил, но до определённого момента. Два года службы в Афганистане давали о себе знать. Поэтому, когда он выпивал больше нормы, включался «Спецназ-голубые береты»: бутылки бились об голову, все кирпичи на заднем дворе лагеря были перебиты пополам, в стенах в коридоре появлялись выбоины от кулаков. Это что касается неодушевленных предметов, но, к сожалению,

нию, страдали также и обитатели Пети Шато. Своих обычно он не трогал, но всё же были случаи, когда и свои попадались под горячую руку. После той истории в душевой, когда мне пришлось «познакомиться» с двумя подозрительными субъектами, а также временами наблюдая за сумасшедшими, бродившими ночами по коридорам лагеря, я решил не выбрасывать свой столовый нож и всегда держал его под подушкой. Однажды ночью я проснулся от сильного стука входной двери. Затем послышался очень громкий крик на русском языке:

– Всем лежать! Никому не вставать! – и ещё что-то в этом роде.

Люди в лагере уже знали, что у Димы бывают припадки, когда он перебирал лишнего; это случалось не часто, раз в две-три недели гарантированно, поэтому все, кто его знал, старались не высовываться. Кое-кто перед сном подвигал свой железный шкаф с вещами ко входу в кабинку, с внешней стороны прикрывая его шторкой, таким образом предполагая, что этот шкаф их защитит, но они с грохотом падали от Диминых ударов ногой. Лежачих он не трогал, но если кто-то вставал, а ещё хуже, что-то говорил на непонятном ему языке, то таких уже через несколько минут обычно забирала скорая помощь – с ушибами и переломами. Вот и в эту ночь он залетел в нашу комнату и начал всё крушить: валить ногами шкафы, срывать шторы, что-то кричать на военный манер. Слышались крики соседей, всё происхо-

дило очень быстро, так, будто он был на спецзадании. Через несколько секунд занавеска в моей кабинке резко отдёрнулась и залетел Дима с глазами бешеного животного. На голове у него была чёрная бандана, на руках чёрные кожаные перчатки, кулаки были сжаты в напряжении. Я приподнялся на локоть, при этом засунув руку под подушку и сжав крепко нож. Драться с «Железным дровосеком», да ещё и в горячке, не имело смысла, но себя надо было как-то защищать. «Ещё шаг, – взволнованно подумал я, – и в глаз уже не промахнусь». Дима стоял молча несколько секунд, дыша, как разъярённый бык, посмотрев на меня, и, видимо, узнав, сел на край кровати.

– Роби! – начал он возбуждённо, – они везде, повсюду...
Надо от них избавляться...

Я отпустил нож, вытянул руку из-под подушки и, сев с ним рядом, сказал:

– Дима. Всё хорошо, слышишь! Ни от кого уже избавляться не надо.

Он глубоко вздохнул и разжал кулаки. Я, положив ему руку на плечо, продолжил:

– Иди к себе, Димыч, отдохни.

Повторяться мне не пришлось. Дима встал и вышел, ничего не говоря. Я поднялся и зашёл в соседнюю кабинку к парню из Марокко. Он был, наверное, самым безобидным в нашей комнате, а также добрым и отзывчивым. Парень сидел на кровати и держался за запястье, которое, как оказа-

лось впоследствии, было сломано. Из соседней кабинки вышел парень из Африки, держась за свой разбитый нос. На следующее утро мы с Димой встретились в столовой, он не знал куда деться от стыда. Большею части, он, конечно же, не помнил, но то, что помнил, вызывало в нём колоссальный стыд. Дима не переставал извиняться передо мной весь день. Но мне не нужны были его извинения, тем более что он не причинил мне никакого вреда, просто было жалко других ребят. Посторонних людей, кого Дима не знал и травмировал, он не помнил. Недели через две-три всё повторилось, но только уже в другой комнате, где случайно под руку попался Петя Киевский, который сидел в кабинке у своего знакомого индийца, и, по-видимому, хотел Диму успокоить, но...

После этого случая Петя некоторое время ходил с огромным чёрным синяком под глазом и с Димой долго не разговаривал.

Глава 7. Жизнь в лагере

Жизнь в лагере была бурная. И если посмотреть со стороны, то можно было сравнить её с суматошной интернациональной коммунальной квартирой. Прожив в которой какое-то время, можно было увидеть абсолютно все жанры нашей жизни: смешную до слёз комедию, невероятную трагедию и, конечно же, печальную драму. Всё это принималось мной как само собой разумеющееся. Вероятно, когда ты молод и один, когда ты абсолютно свободен и непринуждён, всё воспринимается совсем по-другому. Конечно же, лихие девяностые меня закалили и в каком-то роде даже подготовили, и к жизни в лагере я был готов как морально, так и физически. Но самым главным фактором, по моему мнению, было то, что я ничего не ожидал: ни шикарного приёма, ни роскошных апартаментов, и жил от момента к моменту, чтобы не происходило. В лагере мне приходилось встречать вполне взрослых людей, которым было уже около сорока и больше – можно подумать, что они должны быть хоть как-то приспособлены в этой жизни, закалены... но нет! Они сдавались в первые же дни, не выдержав «лагерного режима», которого, как по мне, на самом-то деле и не было вовсе. Все проблемы были у людей в головах: страхи, переживания, которые они сами себе придумывали... нагнетатели... и самое важное на мой взгляд, что больше всего угнетало людей, это неоправ-

данное ожидание того, что Европа ждёт всех с распростёртыми объятиями; и когда они встречались даже с малейшими трудностями, это и вызывало у них сложности, непонимание, и дальнейшее разочарование. Из-за этого люди впадали в тяжёлую депрессию, сходили с ума и даже пытались покончить жизнь самоубийством. Легче всего было тем, кто приезжал в Европу, не имея никаких ожиданий, кто принимал всё как есть, и даже находил во всём «отрицательном», как кому-то могло показаться, – положительные стороны. Даже когда вся система настроена против тебя, когда она, казалось бы, тянет на дно и нет выхода... всё равно есть маленькие ухваты, которые та же система тебе подставляет, дабы проверить, выкарабкаешься ты или нет, есть ли в тебе желание и стремление. Кому-то это удавалось легко, а кому-то – с большим трудом. Но это и есть часть жизненного опыта, со всеми сопутствующими испытаниями...

* * *

Стояла глубокая осень. Поздней осенью, а тем более зимой, когда на улице с утра ещё темно, в столовой всегда было малоллюдно. Лишь несколько романтиков, к которым я имел прямое отношение, заходили на чашку кофе или чая. Моё утро в лагере всегда начиналось с завтрака. Просыпался я около 8 утра, умывался, затем спускался вниз по широкой коридорной лестнице, которая выходила прямиком на ули-

цу, не имея при этом входных дверей, поэтому там всегда завывал сквозняк; вдыхал свежий, утренний, ещё холодный, сырой воздух и направлялся в столовую, где, как обычно, брал омлет и круассан с чаем. Все, с кем я дружил, знали – кого, где и когда можно было найти. Кого-то за завтраком, кого-то за обедом или ужином, кого-то в ТВ рум, кого-то в игровой, а кто-то вообще не выходил из своей кабинки. Ребята, с которыми я уже успел познакомиться, знали, что вечерами меня практически никогда нет в лагере, поэтому иногда поутру, когда они спускались в столовую, чтобы застать меня там и обменяться интересующей как и их, так и меня информацией, мне приходилось наблюдать их невыспавшиеся лица. Также и я при желании кого-то найти знал распорядок дня всех своих хороших, а также не очень, знакомых. Все обитатели лагеря делились на группы – будь то этническая, религиозная, или просто компании единомышленников, которые находили общие интересы. Также в лагере присутствовала ещё одна группа людей. Это были воры, мошенники и шарлатаны, бывшие рэкетиры и тому подобные. Скрывающиеся от правосудия, они приехали в Европу и здесь продолжали заниматься своим любимым делом, на большее у них ни ума, ни смелости не хватало. Ведь здесь, в Европе, которая двигалась по гуманитарному пути, тебя не будут кормить баландой, не будут закидывать в камеру с туберкулёзом, полиция не будет избивать и тыкать мордой в пол. Только в Совке их ждала такая участь. В Европе же мож-

но было залезть на голову и свесить ноги. Чем они и занимались. Поэтому я и называю это своего рода трусостью. Мой друг Александр Иванов рассказывал, что когда они с друзьями обокрали машину в Голландии, их поймали и осудили на три месяца, с правом работы в тюрьме, за которую им платили зарплату. Приходишь ты в чистое, тёплое помещение с телевизором и спортзалом, где хорошо, вкусно кормят, делаешь непыльную работу (собирая шариковые ручки) и в конце при освобождении выходишь отдохнувший, чистый и опрятный, к тому же ещё и с деньгами. Не романтика ли?! Вот такая группа людей, мечтала только об одном! Чтобы их не депортировали назад в Союз.

* * *

В обеденное время меня практически никогда не было «дома». Да! Мы говорили так иногда:

– Я домой, в лагерь!

Мне нравилось гулять по Брюсселю как днём, так и поздним вечером. Садиться на трамвай или метро и объезжать все укромные уголки города, выходя время от времени и гуляя по незнакомым дворам, районам, скверам, паркам, пропитываясь атмосферой Брюсселя, созерцая его архитектуру; или просто сесть на лавочке в маленьком сквере или большом парке и просидеть там целый день, наблюдая за прохожими. В такие моменты спокойствия и уединения внутри

просыпалась поэзия, которую я стал время от времени записывать.

А началось всё с того, что однажды я вышел на вечернюю прогулку и, гуляя по ночному Брюсселю, как обычно, забрёл в неизвестном мне направлении, ведь выходя из лагеря, я никогда не знал, куда пойду... Выходил и шёл куда глаза глядят, будь то юг, север, восток или западное направление, мне всегда было интересно гулять в разных местах большого города. Шагая по ночному городу и рассматривая всё вокруг, мой взгляд упал на стоящий в ночи, потрясающе освещённый костёл святого Михаила (cathedral of St. Michael and St. Gudula). Я подошёл поближе, поднялся по лестнице прямо к двери, в округе не было ни души. Было тихо и умиротворённо, лишь огромный костёл и я. Он был настолько хорошо освещён в ночное время, что можно было рассмотреть каждую малейшую деталь романского и готического архитектурного искусства. И в этот момент, когда я стоял и любовался величием и могуществом той далёкой эпохи XIII–XV века, на меня нахлынула волна рифмы и слов, которые шли сами собой, потоком проходя через голову насквозь, я не помню, сколько это продолжалось, но знаю определённо, что успел бы написать хороший кусок поэмы, но какая это была поэма? Какой в ней был смысл? Какие конкретно слова в ней фигурировали? Я забыл моментально, как только пришёл немного в себя, как будто ничего и не было. Я пришёл в лагерь, взял листок бумаги, ручку и написал:

Бельжик! Брюссель! Красивый город!
Вокруг порядок и закон,
И мы, «бездомные» бродяги
В Европе ищем отчий дом.

Брюсель старинный сам, бесспорно!
Красивых мест не сосчитать,
Средь замков, крепостей, соборов
Здесь обитает благодать!

Пойдёшь, бывало, на прогулку
Полюбоваться, что и как...
И так захватит любопытство,
Что не найти пути назад.

Запрыгнешь в поезд, на троллейбус,
Сядешь в трамвай или метро,
И пусть бежит вперёд дорога,
Лишь было б отперто окно.

Увидишь парки и соборы,
Мечетей башни, точно горы —
На пике месяц там торчит,
Покой и верность сторожит.

Костёлы! Просто как дворцы!
Не обойти их, не объехать,
Их башен строгие кресты

Можно увидеть за версты.

И то, что я написал, не было той рифмой или «поэмой», которая лилась возле костёла в минуты вдохновения. Это было всего лишь увиденное и пережитое мною за последние несколько недель. Хотелось бы отметить, что проживая в Совке, желание писать или творить что-нибудь у меня никогда не возникало, я даже в мыслях не мог себе такое вообразить. Хотя у меня была небольшая, но всё же закалка в этой области, так как мне приходилось принимать участие в спектаклях, начиная с садика, а затем и в школе (подло шантажируемый учителями, обещающими зависить мне учебный балл), а также читать ни раз стихи известных писателей в школьном и дворцовом зале.

* * *

После завтрака я обычно наполнял очередную кружку чаем и шёл в ТВ рум, там с утра и до полудня ежедневно шло музыкальное телевидение. К тому же я знал, что в это время там частенько можно было встретить ребят из Грузии, которых за последнюю неделю значительно поприбавилось. Они любили после ночных посиделок спуститься в ТВ рум, выпить чашечку кофе с сигаретой, а потом подняться к себе и отойти ко сну, и спать до вечера. С ними всегда было интересно общаться, а тем более слушать. Так как большинство

из них уже исколесили всю Европу вдоль и поперёк, информации по этому поводу у них было хоть отбавляй.

Они любили рассказывать в мельчайших подробностях и деталях, как им приходилось переправляться через границы разных государств – зная расписания смены караулов – не центральных пропускных пунктов, конечно, а там, где проходят поезда, где леса, реки и горы.

Они рассказывали, как обмазывались коровьим навозом с полей, чтобы собаки не обнаружили их запах, как вплавь переплывали ещё не полностью замёрзшие реки зимой и как на ощупь ночью проходили леса. Они делились самой сокровенной, свежей (свежая информация для беженцев и переселенцев была на вес золота) информацией, искренне и не скупясь, ничего не прося взамен. Что не скажешь за другие народности, которые за малейшую информацию, порой не совсем свежую и проверенную, хотели получить свой барыш. Ребята из Грузии, с которыми я познакомился, были добрыми, открытыми и щедрыми. Мне вспомнился один случай, который произошёл со мной буквально в первую неделю моего прибытия в Брюссель.

* * *

Я, как обычно, вышел прогуляться по городу, не зная его вообще. Гулял долго. Обнаружив, что уже поздно и пора обратно, чтобы успеть к ужину, я стал вспоминать путь к лаге-

рю, по пути спрашивая прохожих, которые как могли старались объяснить, в каком направлении мне двигаться. Пройдя какой-то участок, я встретил двух полицейских, которые также пытались мне объяснить дорогу к Пети Шато, но, во-первых, я зашёл слишком далеко, а во-вторых, если начать перечислять все вправо и влево, то самому можно было запутаться в этих поворотах. В конце концов все, кто направлял меня в нужном направлении, вывели к знакомому месту, откуда я уже знал дорогу к лагерю. Посмотрев на часы, я понял, что ужин уже прогулял, а есть хотелось ужасно. Проходя возле пиццерии, где в окошке, возле которого стояла небольшая очередь, продавали аппетитные слайсы пиццы, я остановился, замерев на месте и поглощая взглядом всё то, что было на витрине, я даже не увидел стоявшего в очереди знакомого грузина из лагеря. Зато он увидел меня и сказал:

– Иди сюда, – он плохо говорил по-русски, с сильным акцентом.

Мы поздоровались.

– Хочешь кушать? – спросил он.

Я ничего не ответил.

– Ты был на ужине? – спросил он ещё раз.

– Нет, – ответил я.

– Денег нет? – спросил он, улыбаясь.

Денег у меня и в самом деле не было.

– Нет, – вздохнул я.

И уже было хотел уходить, как он взял меня за руку и ска-

зал:

– Подожди, брат, – подошла его очередь, и мы оказались возле окна.

Он достал из кармана кошелёк и открыл его, я стоял рядом и сверху смотрел в его пустой кошелёк.

– Я пойду, – сказал я.

– Нет! Не торопись. Денег полно! – сказал мой грузинский друг, жестикулируя при этом руками и ковыряясь в пустом кошельке.

– Combien (сколько)? – спросил он у продавца.

После того как продавец ответил, он начал шарить по всем карманам и, вытащив оттуда пару франков, отдал их в окошко. Ему дали слайс пиццы с пепперони, он сразу настойчиво сунул его мне.

– Всё хорошо, брат, бери, я не голодный! – сказал парень и сразу ушёл.

При всём при том, что он также, как и я, пропустил ужин и был не менее голоден, но тем не менее он достал последние копейки и отдал их мне. Да! Это был не жизненно важный момент, он мог бы и не делиться последним и я бы в свою очередь не умер с голоду, но чтобы это прочувствовать, надо это пережить. Через несколько дней, получив «лагерное пособие», я сразу же нашёл своего грузинского мегобари и отдал ему потраченные им на пиццу деньги, поблагодарив в очередной раз. Всем проживающим в лагере выдавали 150 франков в неделю (5 долларов). Этого хватало на две пачки

сигарет или на упаковку сока, и шоколад, а также на всякую мелочь, которую можно было купить в супермаркете, чтобы пробить по кассе, но при этом успеть засунуть плоскую бутылку Баллантайнс себе в штаны и палку салями в рукав куртки. Таким вещам в лагере тоже можно было научиться. Вообще, я всегда старался исходить из потребности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.